

**ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
РУССКО-ПОЛЬСКИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
1860—1880-Х гг.**

Массовая ссылка поляков, принимавших участие в восстании 1863—1864 гг., во внутренние губернии Российской империи стала важным элементом социального взаимодействия русского и польского пореформенного общества. Процесс коммуникационного взаимодействия определяется особенностями интерпретаций социальной реальности. Формы «производства социальной реальности»¹ непосредственно связаны с деятельностью различных социально-психологических групп, представителей которых можно рассматривать в терминах предложенной Э. Геллнером концепции «приверженцев общества» и «приверженцев общности». Первые являются сторонниками открытого общества, либералами по социально-экономическим взглядам, ментальности и отношениям к культуре; вторые стремятся к созданию замкнутой культурной общности, романтически и эмоционально интерпретируя социальную реальность на основе личных отношений.² Характер русско-польских межкультурных отношений определялся, с одной стороны, модернизацией российского и польского обществ в процессе реформ 1860—1870-х гг., а с другой — романтической «реконструирующей интерпретацией» прошлого, от которой историческая память зависит больше, чем «от унаследованной мудрости», осуществлявшей-ся наиболее образованными слоями польского общества.³

Положение ссыльных поляков в Новгородской губернии, рассматриваемое во взаимосвязи с процессами культурного и социально-политического развития Царства Польского и Северо-Западных губерний в составе Российской империи 1860—1880-х гг., позволяет выявить особенности межкультурной коммуникации и тем самым специфику отношений двух народов.

Национальная элита польского народа, потерявшего государственность в конце XVIII в. и разделенного территориально тремя империями, стремилась не только к сохранению национальной культуры и традиций. Для польского населения Российской империи сохранение этнической и социокультурной идентичности было связано со стремлением к возрождению государственной самостоятельности. Проблема нации может рассматриваться в оппозициях «нация и государство», «нация и культура». В последние десятилетия историки часто идентифицируют национальное с государственным, а национальность — с гражданством. В то время как этносы — сообщества людей с собственной культурой, включая язык, тесно связанные с социально-экономическим

¹ Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М., 1998. С. 70.

² Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М., 2003. С. 159.

³ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 69.

развитием; нации требуется также единая политическая культура, система образования, основанная на национальном языке, и общее самосознание. Поляки, лишившись государственности, тем не менее оставались нацией, а потому концепт «нация—государство» объективно был неотъемлемой целью национально-освободительного движения.⁴

Польша, вошедшая в состав Российской империи в период подготавливавшейся и реализуемой модернизации, представляла сложный социокультурный феномен, в котором «романтическая интерпретация» прошлого совмещалась с включением в процесс активной модернизации, типичной для всей пореформенной России. В таких условиях национальное самосознание поляков опиралось более всего на историческую память, формировавшую основы самоопределения польского народа.

Носителями исторической памяти в Польше являлись, прежде всего, шляхта, интеллигенция, католический клир и аристократия. В целом это соответствует европейским представлениям, сформировавшимся еще в средневековье, в соответствии с которыми нацией считался народ, имеющий дворянство, земельную и церковную аристократию. Но и позднее отмечалось, что в Царстве Польском «помещики и вообще дворянство в политическом отношении занимают пост главных представителей польской народности и языка».⁵ Именно эти слои в первую очередь формировали особенности исторической памяти в Польше. Особенности отбора и анализа разнородных фрагментов исторического прошлого зависят от социально-психологической установки.⁶ Формирование исторической памяти включает как сознательные, так и неосознаваемые акты запоминания знаковых и значимых событий. Эти факторы предопределяют фрагментарность исторической памяти и в то же время ее несомненную системность.

В исторической памяти поляков особое место заняли восстания 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. После поражения этих восстаний среди факторов, обеспечивавших этнокультурную идентичность для принудительно русифицируемого населения Царства Польского и для ссыльных, особое значение имела борьба за права национального языка, традиции национально-освободительного движения и бытовой культуры, а также католицизм.

Характерной чертой поляков католицизм стал после разделов Польши конца XVIII в. «Из-за соседства православных русских» «католицизм был щитом против культурной и религиозной русификации», являясь одним из связующих звеньев национальной идентичности,

⁴ На материалах югославянских народов это отмечено в работе: *Фрейдзон В. И.* *Нация до национального государства.* Дубна, 1995. Наблюдения и выводы В. И. Фрейдзона, несмотря на различия в процессах утраты и воссоздания государственности, имеют несомненную методологическую значимость и для изучения истории польского народа.

⁵ ГАРФ, ф. 102 (МВД. Департамент полиции), оп. 81, д. 59, л. 17.

⁶ Установка — «целостное динамическое состояние субъекта, состояние готовности к определенной активности» — обуславливается «двумя факторами: потребностями субъекта и соответствующей объективной ситуацией». *Узнадзе Д. И.* *Экспериментальные основы исследования установки // Психологические исследования.* М., 1966.

уничтожив государственность Польши, ее разделы тем не менее укрепили нацию.⁷ Российское общество во многом оставалось обществом традиционным, для которого религия оформляет общество не только в духовном, но и в социальном отношении, являясь одним из элементов механизма социальной регуляции, но эта роль сохранялась в России и Польше также в период утверждения рыночных отношений.⁸

Присоединение к России и создание Царства Польского не означало преследований католиков. По Конституционной хартии 1815 г., дарованной полякам Александром I, католицизм оставался государственной религией Царства Польского при равенстве других вероисповеданий.⁹ Только после восстания 1830—1831 гг. положение в Царстве Польском изменилось: вся русская организация постепенно распространилась и на польские земли.

В 1830—1850-х гг., после поражения восстания 1830—1831 гг., значительная часть польской оппозиции, по преимуществу аристократической, связывала свои надежды с вмешательством западных держав, их поддержкой польского движения и дипломатическим, а также с военно-политическим давлением на Россию. Большинство в польском национальном движении — и группа «белых» (в основном представлявшая польскую дворянскую верхушку), и группа «красных» (интеллигенция, шляхта, городская буржуазия, студенчество) — не считало необходимым развертывание массового крестьянского движения как части национально-освободительной борьбы, однако последние («красные») не могли не сознавать необходимости и неизбежности социальных перемен. «Красные» и «белые», несмотря на различия в тактике и политических целях движения, нуждались во взаимной поддержке. «Красные» обладали реальной социальной и политической поддержкой в Царстве Польском, «белые» имели поддержку со стороны европейских правительств.

Другая часть польского национального движения, наиболее ярким представителем которой был Эдвард Дембовский, стремилась привлечь к участию в национально-освободительном движении польское крестьянство, выступая за ликвидацию докапиталистических форм землевладения. В своем «Воззвании» Дембовский рассматривал борьбу за независимость страны в неразрывной связи с борьбой за свободу и равенство. Польша, по его словам, должна была возрождаться «во имя народа, <...> для народа».¹⁰

⁷ *Альтернатив Урс*. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 145. Польша к началу нового времени отнюдь не была чисто католической страной: даже во второй половине XVII в. большая часть населения была *некатолической*. Когда в ходе контрреформации XVII в. католицизм одержал победу и стал государственной религией в Польше, католиками в действительности была меньшая часть ее населения.

⁸ *Ерасов Б. С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 165.

⁹ Ст. II «Конституционной хартии» гласила: «Римско-католическая религия, исповедуемая большей частью жителей Царства Польского, будет предметом особенного попечения правительства, без какого-либо нарушения свободы других вероисповеданий». Конституционная хартия Царства Польского // Библиотека окраин России. СПб., 1907. С. 44.

¹⁰ Славянский архив: Сб. статей и материалов. М., 1961. С. 88—160.

В 1850-х—начале 1860-х гг. органическое слияние национальных (польско-католических) и социальных задач привело к возрождению «национального духа <...> в Польше. Особенно молодежь начала думать и говорить о свободе и независимости».¹¹ Демонстративная приверженность католицизму становилась приметой польских революционеров, прежде всего молодежи, участвовавшей в освободительном движении в Царстве Польском. Тем не менее вплоть до середины XIX в. часть поляков принадлежала к не католическим конфессиям. Государственная роль православия в России, нетерпимость в отношении восточной ортодоксальной и западной католической церковью укрепляла осознание поляками своей особой социальности.

26 августа 1856 г. в связи с коронацией Александра II была объявлена амнистия, в том числе и участникам польского восстания 1830—1831 гг. Польская эмиграция, несмотря на разочарование в возможности поддержки со стороны Франции, «представляла собой редкое явление по той настойчивости, с которою так долго поддерживалась революционная агитация».¹² Накануне восстания в Царстве Польском революционная агитация стала перерастать в массовые действия. Усиливалась оппозиция и за счет возвращавшихся в Польшу амнистированных польских ссыльных, оставшихся «теми же восторженными безумцами, какими были в молодости».¹³

В феврале—марте 1861 г. начались беспорядки в Варшаве. В этой обстановке начинают проявляться признаки нарастающей тревоги правящих кругов России в связи с революционным движением в Польше. 2 октября 1861 г. край был объявлен на военном положении и введены строгие полицейские правила.¹⁴ «Политические беспорядки в Царстве Польском и в западных губерниях, — говорилось в отчете III Отделения за 1861 г., — имели вредное влияние и на русских. <...> Студенты наши заражаются от студентов польского происхождения; точно так же из Западного края перешла к нам небывалая еще у нас зараза — рассылка и подбрасывание возмутительных воззваний, равно других рукописей и печатных листов преступного содержания».¹⁵

Рост революционного движения в Польше в начале 1860-х гг. вызывал тревогу и усиление контроля за польскими ссыльными внутри империи. Губернские власти, в том числе и новгородские, регулярно получали рассылаемые предписания Департамента полиции об «арестовании» разыскиваемых польских ссыльных. В 1860 г. подольский губернатор просил учредить секретный надзор над Каликстом Ястржембским, возвращавшимся из Сибири и получившим, в числе прочих, пропуск в Новгородскую губернию. Хотя новгородский исправник и «учинил» надле-

¹¹ *Czartoryski W. I. Pamietnic 1860—1864. Warszawa, 1960. S. 23.*

¹² *Милютин Д. А. Воспоминания. 1860—1862 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1999. С. 48.*

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 319.

¹⁵ Из отчета III Отделения за 1861 г. «О возмутительных посланиях». 1862 г., 6 марта // Восстание 1863 года: Материалы и документы. Русско-польские революционные связи: В 2 т. М., 1963. Т. 1. № 58. С. 130.

жащие распоряжение, но Ястржембский в губернии не появлялся.¹⁶ В 1861 г. было получено предписание «об арестовании» «в случае прибытия» в губернию Осипа Франца Людвига Немоёвского, уволенного в 1846 г. в бессрочный отпуск из сибирских войск, куда он был определен за участие в восстании 1831 г. Немоёвский в предписании назван дезертиром, даны его приметы. Арестовать же его предписывалось «за тайный переход границы и участие в политических происках». Какую именно границу перешел Немоёвский, не указывается, но очевидно, что он покинул пределы Российской империи, а поскольку он находился лишь в бессрочном отпуске, то и являлся дезертиром.¹⁷

Обстановка в Новгородской губернии начала 1860-х гг. в целом была достаточно спокойной. Согласно «Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции за 1860 г.», предоставленной городскими и земскими полициями губернии, больше всего в губернии было ссыльных крестьян, преимущественно за отступление от православия — «совращение в раскол», «порицание православной веры», за приверженность «учению о скопцах» или «оскопление себя и по подозрению в сношениях с скопческими сектаторами».¹⁸ Губерния была практически полностью православной и именно поэтому часто оказывалась местом ссылки для раскольников и их семей. Политические ссыльные попадали в губернию редко и, как правило, на очень короткие сроки, а политические дела возникали редко.

В сентябре 1861 г. было начато расследование в связи с обнаружением в губернии экземпляра «Колокола». Газета была замечена у дворянина И. М. Батанова 13—14 сентября 1861 г., когда он ехал на пароходе в Новгород. К изданиям Герцена российские власти относились серьезно и даже, основываясь на «дошедших слухах», произвели обыск у занимавшегося поставками дров для Николаевской железной дороги Батанова. При обыске был найден «Колокол» № 79 на 12 листах и статья «Под суд» на 2 листах. Батанов заявил, что газету купил у букиниста в Санкт-Петербурге для себя лично и вслух ее не читал.¹⁹ Подозревался Батанов также в распространении «возмутительных прокламаций», в том, что «читал некоторым лицам „Воззвание к молодому поколению“, но потом уничтожил это воззвание».²⁰ Однако эти подозрения не привели к каким-либо активным действиям, других розыскных действий не вызвали, но за Батановым было установлено секретное наблюдение.²¹

В 1861 г. в связи со студенческими беспорядками в Санкт-Петербургском университете в деревню Ушаки Новгородской губернии был отправлен студент Юстин Вильмовский, а в село Юрьево Новгородской губернии Боровичского уезда — студент Александр Борохович. Однако вскоре студентам, участвовавшим в беспорядках, но «не имевшим наме-

¹⁶ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2109, л. 2, 4—6; документы дублируются в д. 2255.

¹⁷ Там же, д. 2237, л. 126 об.—127, 151 об.—152, 153 об.—154, 157 об.—158.

¹⁸ Там же, д. 2086, л. 126 об.—127, 151 об.—152, 153 об.—154, 157 об.—158, 170—171 об.

¹⁹ Там же, д. 2235, л. 1.

²⁰ Там же, л. 7, 10—10 об.

²¹ Там же, л. 11.

рения сопротивляться распоряжениям правительства», «сделав им строгое внушение и объяснив им как важность их поступков, так и меру наказания, которой они подверглись бы по суду», было даровано «Всемилоостивейшее прощение».²² Уездные власти не слишком обременяли себя наблюдением за находившимися под надзором лицами, что очевидно, например, из письма вице-губернатора демянскому уездному исправнику: исправник заслужил выговор вице-губернатора за «нерадение» и совет «во избежание неминуемой ответственности добросовестно исполнять обязанности службы».²³

Одним из документальных подтверждений нарастания тревоги в правящих кругах в связи с событиями в Польше и одновременно административной неразберихи, небрежности властей служит дело каноника Вышинского. В предписании министра внутренних дел, которым объявлялось об отправлении каноника Осипа Вышинского в Белозерск, говорилось, что он принимал самое деятельное участие во всех беспорядках и волнениях в Варшаве и по прибытии к месту высылки должен быть подвергнут строгому надзору.²⁴ Но вскоре сообщить о месте пребывания Вышинского попросил у новгородских властей «уроженец Царства Польского, житель Варшавы Войцех Островский», прибывший в Новгородскую губернию по паспорту, который был «выдан варшавским военным генерал-губернатором».

В выдаваемом паспорте для приезда во внутренние губернии России указывалось, в какую именно губернию следует проезжающий, поэтому следует полагать, что 12/24 марта 1862 г., когда Островскому был выдан паспорт, в Варшаве о высылке Вышинского в Новгородскую губернию уже знали. Министр внутренних дел потребовал у «начальника Новгородской губернии» «разъяснений», почему «делу этому дана гласность».²⁵ Тем не менее, как выясняется из дальнейшей переписки между министерством и Новгородской губернской канцелярией, Вышинского в Новгородской губернии вовсе не было. Он был «согласно первоначальному распоряжению исполнявшего должность начальника Царства Польского» отправлен прямо в Тобольскую губернию и там остался на жительство.²⁶ Явившийся в Белозерск Островский умолял «открыть ему место пребывания каноника». Власти же, возможно, понимая неповоротливость механизма управления или же просто пребывая в растерянности, подозревали, что «самое ходатайство Островского <...> не может не иметь особого значения и навлекает подозрение, не есть ли он эмиссар сообщников Вышинского». Министерство внутренних дел предложило новгородскому губернатору (начальнику губернии) учредить за Островским «секретный надзор».²⁷ Островского допросили, изъяди у него 4 письма, а 2 письма самого Островского были направлены в МВД. Письма Островского, очевидно, задерживались для просмотра,

²² Там же, д. 2255, л. 13—13 об., 14—14 об.

²³ Там же, л. 62—62 об.

²⁴ Там же, д. 2257, л. 6—6 об.

²⁵ Там же, л. 1.

²⁶ Там же, л. 49—49 об.

²⁷ Там же, л. 12—12 об.

так как сестра его вынуждена была написать хозяину, у которого брат ее снимал квартиру, с просьбой сообщить о нем.²⁸ В конце концов, Островскому, так и не добившемуся толку от губернских властей, приказали из Новгорода выехать. Каноник Вышинский ни в Новгороде, ни в Новгородской губернии так никогда и не появлялся: по просьбе сестры ему разрешено было переехать в Орловскую губернию. Но и туда он не поехал, так как был помилован великим князем, начальником Царства Польского, и получил разрешение возвратиться в Варшаву.²⁹ Возвращение Вышинского было связано с новым поворотом в политике русских властей. Еще «в годовщину 19 февраля объявлено было, в числе царских милостей, помилование или облегчение участи многих арестованных и сосланных поляков».³⁰

В начале 1862 г. в польских делах наступило некоторое затишье, оказавшееся преддверием новой волны выступлений. Еще 17 ноября 1861 г. был создан Центральный революционный комитет, который стал главным центром подготовки, а затем и руководства восстанием. Но правящая верхушка страны в тот период еще рассчитывала предотвратить массовый революционный взрыв. Большие надежды в урегулировании кризиса возлагались на деятельность маркиза Велепольского. План его рассматривался как «средство рассечь гордиев узел, которого никто у нас не умел распутать». Велепольский не занимал официального положения, но руководил практически всей законодательной работой по Царству Польскому.³¹ План этот заключался «в том, что Царство Польское оставалось только в династической связи с Россией», но получало самостоятельное государственное устройство.³² Особо защищал Велепольский права поляков в образовании. «Во всех учебных заведениях не допускалось никакого различия во внимании к национальностям и вероисповеданиям. <...> Все школы были исключительно польские и католические. <...> Наибольшее гонение было обращено на русскую национальность: оказавшиеся во всем Царстве Польском 49 преподавателей русских были все уволены; многие из них совсем удалены из Царства; наложено было положительное запрещение обучать русскому языку».³³ План Велепольского предполагал укрепление влияния католицизма и аристократии при полном вытеснении русских. Планы Велепольского вызывали неприязнь у значительной части российского государственного аппарата.

Император Александр II колебался между политикой ужесточения репрессий в Польше и стремлением достичь компромисса. Но во второй половине 1862 г. революционное брожение в Царстве Польском еще больше обострилось. «Время восстания Польши приближается, — провозглашала прокламация «Русским войскам в Польше». — <...> Угнетение Польши царской Россией — нелепость, насилие, очевидное по

²⁸ Там же, л. 44—44.

²⁹ Там же, л. 61, 69.

³⁰ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860—1862. С. 319.

³¹ Там же. С. 320.

³² Там же. С. 321.

³³ Там же.

числу войска, которое стоит в Польше с 1831 г. Естественное ли это дело, что через 30 лет правительство не смеет вывести ни одного полка из Польши, не заменив его сейчас другим?».³⁴ Создавались польские революционные организации и в России, в том числе польскими студентами.

О настроениях в польском обществе можно судить по агентурным донесениям о польском студенческом огуле* в Москве, связанном с Центральным Национальным комитетом: «Напрасно русское правительство предпринимает меры к восстановлению спокойствия; оно этого не достигнет. <...> Общество (ЦНК) через своих засылаемых агентов восстанавливает против правительства крестьян; занятия их по сему предмету идут довольно успешно, а между тем в Польше уже сделан довольно значительный запас оружия и пороха, добываемого из Англии, которые сохраняются в разных местах Литвы и Польши; в финансовом отношении Комитет достаточно обеспечен, надеясь и на будущее сбор <...> податков** будет еще успешнее <...> Действия Революционного комитета должны увенчаться успехом, и Польша избавится от влияния прочих держав, составляя собою независимое королевство, под управлением избранного народом из своей нации короля».³⁵ Представители «белых» и «красных» в национальном движении «работали с одинаковым усердием над организацией восстания в крас, вербуя в свои ряды сколько можно большее число новобранцев».³⁶

Накануне восстания в Польше подозрительность и центральных властей, и администрации Новгородской губернии начинает нарастать, несмотря на то что польских ссыльных в губернии были единицы. В 1862 г. МВД рассылало по всем губерниям России циркуляры о розыске бежавших за границу лиц, «принимавших участие в беспорядках, бывших в Царстве и навлекших на себя подозрения в политическом отношении».³⁷ В основном, это были молодые люди. Так, 3 мая 1862 г. сообщалось о розыске отставного юнкера де Вик 23 лет, учеников Варшавского училища Романа Рогинского 21 года и Антона Лазовского 20 лет, и студента Санкт-Петербургского университета Андрея Денисевича 19 лет, находившегося до бегства за границу и объявления в розыск в г. Остролинке. Указывались подробные приметы бежавших на случай их появления в пределах Российской империи. Все сведения, сообщаемые губернским властям, обязательно рассылались по уездам. Согласно «Распоряжению о предоставлении списков политических преступников, высланных и в Новгородскую губернию», в том числе из губерний

* От польск. *pracować dla dobra ogółu* — «трудиться на общее благо».

** Податки — добровольные пожертвования в фонд восстания.

³⁴ Прокламация «Русским войскам в Польше» // Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 1. № 169. С. 387.

³⁵ Докладная записка чиновника особых поручений А. В. Палицына А. А. Суворову о польском студенческом огуле в Москве и его деятельности. 23 декабря 1862 г. // Там же. № 87. С. 186.

³⁶ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860—1862. С. 330.

³⁷ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2252, л. 15, 17.

Западных, Малороссийских и прочих, таких лиц в губернии было всего 9, и только двое – уроженцы Подольской губернии.³⁸

В декабре 1862 г. в Белозерск Новгородской губернии был сослан за политическую неблагонадежность помещик Каменецкого уезда Фаддей Сарнецкий, пребывание которого в Подольской губернии было признано вредным.³⁹ Позже, но еще до начала массовой ссылки, из Санкт-Петербурга был выслан уроженец Подольской губернии и бывший ольгопольский уездный предводитель дворянства Казимир Сабаньский «за подписание всеподданнейшего прошения преступного содержания».⁴⁰

Сарнецкий прибыл в Белозерск 24 февраля 1863 г. (т. е. уже после начала восстания в Польше) и, по донесению уездного исправника, вел себя «скромно и прилично», с местными жителями не имел «никакого знакомства» и «ни в каких предсудительных поступках» замечен не был.⁴¹ В апреле 1863 г. Сарнецкий надеялся на освобождение и даже телеграфировал из Белозерска в канцелярию начальника губернии с просьбой сообщить, может ли он «быть свободным» «возвратиться на родину, не имея уголовного преступления, ни суда над собою».⁴² Ему было отказано, но в июле того же 1863 г. губернские власти в ответ на запрос МВД сообщали, что поведение Сарнецкого никаких нареканий не вызывало, зато «наружный вид его выказывал слабое сложение и плохое здоровье».⁴³ Плохое здоровье Сарнецкого было подтверждено двумя медицинскими свидетельствами, и он был направлен в Новохоперск Воронежской губернии.⁴⁴ В отношении и губернских и центральных властей к лицам, накануне восстания высланным из Царства Польского и Северо-Западных губерний, соблюдались требования закона и проявлялось внимание к их нуждам и здоровью.

В ночь на 23 января 1863 г. началось восстание в Царстве Польском. В борьбу вступили около 6 тысяч повстанцев, собранных в 33 отряда. Первоначально выступила лишь незначительная часть организации. «Белые», не желавшие открытого немедленного вооруженного восстания, стремились удержать отряды от столкновения с царскими войсками.⁴⁵ Однако восстание ширилось. Весной 1863 г. оно распространилось на территорию Литвы и Белоруссии. Формировались и направлялись в Польшу отряды волонтеров из-за границы. В агентурном сообщении 24 марта/5 апреля 1863 г. сообщалось, что в «Англии формируется новый отряд волонтеров. Из Шеффилда в Лондон прибыло 35 поляков. В Брюсселе Люблинер издает журнал „Polska” 3 раза в месяц – очень вредный. В 1-м номере от 1 марта он предлагает образовать из пленных

³⁸ Там же, д. 2261, л. 11 об.; д. 2262, л. 15, 17—18.

³⁹ Там же, д. 2255, л. 42—42 об.; д. 2256, л. 1.

⁴⁰ Там же, д. 2261, л. 11 об.

⁴¹ Там же, д. 2256, л. 3.

⁴² Там же, д. 2255, л. 2. Сарнецкий заранее оплатил 20 слов ответа и ему было отвечено — отказом.

⁴³ Там же, л. 5—6.

⁴⁴ Там же, л. 9.

⁴⁵ Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М., 1962. С. 159.

и охотников <добровольцев> русский отряд, для перенесения революции в Россию».⁴⁶

В письме к А. И. Герцену его корреспондент из Женевы сообщал, что «один из прибывающих <...> русских офицеров хочет к своим товарищам, ставшим за поляков. <...> Ему нужны доказательства (в виде рекомендательных писем) полякам».⁴⁷ Такими рекомендательными письмами к польским друзьям русских могли снабдить М. А. Бакунин (в том числе и Л. А. Рейнгарда, о котором идет речь в письме*) или Герцен и Огарев, пользовавшиеся доверием восставших. Но в целом, несмотря на несомненное сочувствие восставшим со стороны европейских революционных кругов и части российской общественности, этнический состав восставших был достаточно однородным, польским. В. И. Касаткин писал Герцену, что в феврале 1863 г. «приехало более 40 поляков, все молодые» и, «судя по энтузиазму здешних поляков, можно думать, что восстание может еще долго продержаться, несмотря на силы русских — немцев».⁴⁸

Горячее участие в помощи восставшим принял М. А. Бакунин. «Присоединение русских войск к польскому движению, — писал он польскому Центральному Национальному комитету, — есть для нас вопрос нравственного оправдания и чести, для вас это вопрос спасения <...> Я отдаю на службу вам всю мою добрую волю и деятельную помощь моих друзей и соотечественников в Лондоне, Петербурге и особенно в Польше. Мы можем помочь вам двумя способами: во-первых, через диверсию в России, беспокоя правительство внутренней агитацией и мешая ему сосредоточить все силы против вас. <...> Вторым видом помощи вам было бы создание в Польше, в самом лагере польской революции, русского легиона».⁴⁹

В Англии была организована морская экспедиция по доставке оружия в Лигву, и Бакунин решил присоединиться к ней. Пароход зашел в Гельсинборг, чтобы взять на борт Бакунина, приехавшего из Стокгольма, однако задержался там, по его словам совершенно неоправданно, на четверо суток. Капитан-англичанин впоследствии отказался вести корабль, как это было запланировано, на о. Готланд, английская команда судно покинула, и пришлось нанимать датчан. Экспедиция, организованная, по словам Бакунина, «руками ленивого ребенка», провалилась. Да и участников в ней, судя по письму Бакунина, было, кроме него, всего шестеро. Причем только Л. А. Рейнгард да сам Бакунин были русски-

* Фамилия офицера в публикации («А. И. Герцен. II. Литературное наследство». Т. 41—42) не была установлена. В сборнике «Восстание 1863 года: Материалы и документы...» (Т. 2. С. 19) авторы указывают, что фамилия офицера — Л. А. Рейнгард.

⁴⁶ Из донесения агента III Отделения Балашевича-«Погоцкого», 24 марта (5 апреля) 1863 года // Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 2. № 296. С. 48—49.

⁴⁷ Письмо В. И. Касаткина Герцену. 21 февраля 1863 г. // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41—42. А. И. Герцен. II. С. 58.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Письмо М. А. Бакунина польскому Центральному Национальному комитету. 9/21 февраля 1863 г. // Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 2. № 285. С. 26—27 (перевод с франц.).

ми. Но тот же Рейнгард встречал недоверие со стороны участников польской экспедиции, которые «называли его москалем и спрашивали, что он между поляками делает». Бакунину пришлось задуматься, возможен ли вообще успех «русского предприятия в польской среде» при отсутствии веры и симпатии со стороны поляков.⁵⁰

Внутри Российской империи также была предпринята попытка организовать совместное выступление русских и поляков — поднять восстание в Поволжье. В середине февраля 1863 г. И. Кеневич, по полномочию Жонда Народового, обратился в ЦК «Земли и Воли» с предложением начать подготовку восстания в России. Возможно, уже в 1862 г. Кеневич участвовал в составлении подложного манифеста Александра II. Манифест отменял временнообязанное состояние, даровал «полную свободу всем верноподданным <...> к какому бы званию и состоянию они ни принадлежали», вводил «свободу веры» и жаловал «всем крестьянам, как бывшим крепостным, так и государственным <...> в определенном размере землю, без всякой за оную уплаты как помещикам, так и государству, в полное неотъемлемое и потомственное их владение».⁵¹ Выступление в поддержку поляков в Поволжье могло опираться и на настроения в студенческой среде. «Здесь, — писал студент Казанского университета К. В. Лавровский, — слышится подземный гул и готовится извержение вулкана. <...> Поляки держатся крепко и ввели свое управление. На восток волнения продвинулись до Витебска, на север до Динабурга, на юг до Подольской губернии. <...> Весной везде и все ждут чего-то необыкновенного».⁵²

Из Беловежской пуши — одного из центров восстания неизвестный обращался к русским студентам Казанского университета, напоминая слова Герцена: «Покамест Польша находится в рабстве — до тех пор и Россия будет угнетаема русскими и немецкими холопами (т. е. министрами и генералами)».⁵³ Но поляки определи русское выступление, «и уже многие сотни погибли за свободу. Восстание разгорелось по всей Польше и Литве и с каждым днем весны все больше и больше увеличивается; теперь остается только сделать восстание в России и то немедленно <...> Потому что враги наши могут выиграть на времени».⁵⁴ О подготовке выступления в Казани⁵⁵ стало известно из доноса студента того же Казанского университета И. Глиссона в III Отделение.

В своих показаниях Глиссон говорил, что ЦК «Земли и Воли» должен был собраться между 25 и 27 марта 1863 г., чтобы назначить пред-

⁵⁰ Письмо М. А. Бакунина А. И. Герцену и Н. П. Огареву. 19/31 марта—28 марта / 9 апреля 1863 г. // Там же (перевод с франц.). С. 42—43.

⁵¹ Подложный манифест. 1862, декабрь // Там же. № 384. С. 299—300.

⁵² Письмо студента Казанского университета К. В. Лавровского И. Д. Зотову о настроении молодежи в Казани. 1863 г., 6 марта // Там же. № 387. С. 306.

⁵³ Письмо неизвестного студента Казанского университета С. Будкову. 5 февраля 1863 г. // Там же. № 386. С. 303—304. Письмо носило публицистический характер, а его автор рассчитывал на распространение.

⁵⁴ Там же. С. 304.

⁵⁵ Подробнее см., например: *Лейкина-Свирская В. Р.* «Казанский заговор» 1863 г. // *Революционная ситуация в России. 1859—1861 гг.* М., 1960; *Нечкина М. В.* Новые материалы о революционной ситуации в России // *Литературное наследство.* Т. 61.

ставителей в различные районы страны для организации восстания. В Казанской губернии восстание было якобы «достаточно подготовлено: крестьяне некоторых деревень, как-то: Бездны, Теньки, Змиева и др., недовольные наделом земли, дали уже согласие восстать по первому сигналу, прочие крестьяне должны следовать их примеру».⁵⁶ Революционное брожение в среде студенчества Казанской губернии и опасения массовых выступлений в Поволжье вызвали полицейское следствие, аресты и многомесячное расследование нескольких комиссий, главная из которых действовала в Казани. Одним из главных обвинений в ходе следствия стало распространение участниками заговора революционных воззваний.

Распространению агитационных материалов после начала восстания центральные и местные власти империи уделяли особое внимание. Это было связано, прежде всего, с деятельностью А. И. Герцена, Н. П. Огарева и Центрального комитета «Земли и Воли». Далеко не все печатавшиеся прокламации и воззвания доходили до России. Среди тех, что были обнаружены в различных городах, можно отметить написанные Н. П. Огаревым прокламации «Братья солдаты! Одумайтесь – пока есть время!», «Братья солдаты, ведут вас бить поляков», «Всеми людям русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота». Огарев стремился донести до россиян мысль о необходимости предоставить народам империи возможность жить по-своему, а борьбу вести «за спасение народа русского».⁵⁷ Из русских воинов, писал Огарев, обращаясь к солдатам, сделали разбойников. В то время как дело этих солдат «не поляков бить, а своему народу русскому помочь» избавиться от сословной розни, ввести выборное правление, добиться подлинной воли.⁵⁸ Эти воззвания были обнаружены в обеих столицах, воинских частях, провинции. Попадали эти воззвания в Россию в небольшом количестве, как правило, через Норвегию и Швецию.

Среди прокламаций «Земли и Воли», достаточно широко распространявшихся в России, были такие как: «Льется польская кровь...», «Свобода» № 1 и «Свобода» № 2. Восстание в Польше, утверждал написавший листовку «Льется польская кровь...» А. А. Слепцов, «вызвано самим правительством». «...варварское истребление народа, систематические истязания довели Польшу до того безмолвного, затаенного отчаяния, которое устрасило даже само правительство». Россия, писал автор листовки, не имеет права «привлекать к союзу с собою народ, в котором многолетнее владычество не могло воспитать ничего, кроме ненависти к нам». Автор, обращаясь к офицерам и солдатам, провозглашал, «что с освобождением Польши тесно связана свобода нашей страдальной родины», и призывал не обгагрять «рук своих польской кро-

⁵⁶ Из показаний студента Казанского университета И. Глиссона в Петербургской следственной комиссии // Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 2. № 390. С. 314.

⁵⁷ Братья солдаты! Одумайтесь – пока есть время! // Там же. № 279. С. 13.

⁵⁸ Братья солдаты, ведут вас бить поляков // Там же. № 289. С. 32, 34.

вью», не покрывать «никогда неизгладимым позором чести и правоты русского народа».⁵⁹

Широкое хождение по России листовок «Свобода» № 1 и 2 подтверждается материалами Петербургской следственной комиссии, донесениями жандармских офицеров и агентуры из Москвы, Вологды, Чернигова. По агентурным данным, на Петербургском почтамте 13 апреля 1863 г. было задержано 70 пакетов с листовками, адресованными в Харьков, Воронеж, Курск, Нежин, Рьльск, Киев и Зарайск, а также другие города.⁶⁰ Помимо воззваний «Земли и Воли» появлялись в России и другие агитационные материалы. В. И. Кельсиев, находившийся в тот период в Турции, издал прокламацию, начинавшуюся словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных...». Кельсиев пытался использовать в революционных целях старообрядцев,⁶¹ поэтому в его воззвании, проникшем через Швецию в далекую от Константинополя Архангельскую губернию, содержался призыв к собиранию сил «христоролюбивого воинства», чтобы созвать Земский собор «и верам всем <...> утвердить полную волю». Кельсиев при этом прямо к поддержке поляков не призывал.⁶²

Обстановка в Новгородской губернии в целом оставалась спокойной: политическая преступность ограничивалась лишь расследованием случаев произнесения «дерзких слов против царя».⁶³ 26 февраля 1863 г. III Отделение собственной его императорского величества канцелярии направило полковнику корпуса жандармов Будковскому в Новгородскую губернию секретное письмо с описанием разосланных в различные губернии печатных воззваний «в пользу возмущившихся поляков» и призывами к русским солдатам не участвовать в подавлении восстания.⁶⁴ В губернии было обнаружено одно печатное воззвание «возмутительного содержания». Оно было получено по почте мировым посредником Крестецкого уезда и передано им уездному предводителю дворянства.⁶⁵ Надо отметить при этом, что в начале 1860-х гг. ни в Крестцах, ни в Крестецком уезде ссыльных не было.⁶⁶ Не зафиксировано в первой половине 1863 г. и каких-либо выступлений — даже самых незначительных.

Местные власти и в 1863 г. занималась в основном несчастными случаями — гибелью людей на воде, скоропостижными смертями. Обязательно отмечалось наличие медицинского освидетельствования в случаях скоропостижной или младенческой смертности. Случаи само-

⁵⁹ Льетса польская кровь...// Там же. № 308. С. 77—78, 80.

⁶⁰ Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 2. С. 91.

⁶¹ Об отношении революционеров, и Кельсиева в частности, к старообрядцам см.: Исповедь В. И. Кельсиева // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41—42. С. 289—290, 300—303, 320—329.

⁶² Прокламация, изданная В. И. Кельсиевым // Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 2. С. 20—22.

⁶³ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2474, 2475, 2476.

⁶⁴ Там же, д. 2262, л. 2.

⁶⁵ Там же, д. 2308, л. 4—5.

⁶⁶ Там же, д. 2088, л. 19, 93—95.

убийства были редкими и всегда становились предметом специального дознания.⁶⁷ Много внимания привлекали убытки, нанесенные пожарами. Так, при пожаре деревни Городок Тихвинского уезда убыток составил 4500 р., но погибших при этом не было. Самыми серьезными происшествиями в губернии были случаи сибирской язвы, которая вела не только к массовыми эпизоотиям, но являлась причиной людской смертности.⁶⁸

Но постепенно, в связи с обострением политической ситуации, и особенно после начала восстания в Польше, внимание полиции к внутренней обстановке в Новгородской губернии и надзор за ссыльными, как и во всей России, становились строже. Такое усиление надзора прослеживается в деле Фабия Дубецкого. Дубецкий, сосланный в Сибирь с лишением прав и состояния уроженец Волынской губернии, был взят под наблюдение из-за своей «польской» фамилии.⁶⁹ В 1863 г. Дубецкий, служивший в г. Омске, в тот период находился в отпуске и проживал на станции Любань. Общался Дубецкий прежде всего с главноуправляющим путями сообщения Мельниковым, на мызе которого проводил целые дни. Но в Любани проживало также несколько поляков, с которыми Дубецкий общался. Поскольку беседы с соотечественниками вел он обычно по ночам, то и о содержании их ничего известно не было. В обычном же общении «кроме приторно приятного, ничего особенного не замечено, но, говорят (кто именно «говорит», в документе не поясняется. — *И. Я.*), когда коснется речь до настоящих событий в Польше, то к ним, как и во всех поляках, заметно будто бы сочувствие».⁷⁰ Дубецкий просил разрешения посетить Санкт-Петербург, и, по мнению новгородского губернатора, просьбу его следовало удовлетворить, поскольку вообще менее опасно «иметь людей подозрительных в столице, чем в губернии, где надзор за ними затруднен по недостатку ловких сыщиков, которым здесь трудно не быть всем известными».⁷¹ Губернатор явно старался избавиться от возможной ответственности, оказавшись Дубецкий хоть как-то причастным к польским событиям. Однако во въезде в Петербург Дубецкому было отказано и взята подписка, обязывавшая его возвратиться в Омск до 11 июля, когда заканчивался отпуск.⁷²

С началом восстания в Польше нарастающий страх и подозрительность правящих кругов России стали создавать, в том числе и в Новгородской губернии, почти анекдотические ситуации. 11 мая 1863 г. новгородскому губернатору (начальнику губернии) было направлено МВД секретное предписание о странствующей труппе польских актеров, которая «под видом театральных представлений» занимается сбором де-

⁶⁷ Там же, д. 2308, л. 1—1 об.

⁶⁸ Там же, л. 4—5.

⁶⁹ В представлении МВД начальнику Новгородской губернии от 21 апреля 1863 г. говорится, что Дубецкий уроженец Вологодской губернии, но в Отношении МВД от 19 июля 1863 г. уже указана Волынская губерния. См.: ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2262, л. 24 об., 34 об.

⁷⁰ Там же, л. 24 об.—29.

⁷¹ Там же, л. 29.

⁷² Там же, л. 34—36, 39.

нег для польских мятежников. При этом прямо говорилось, что сообщающий об этом офицер «фактов не имеет», а догадка его основана на собственном убеждении, образовавшемся вследствие наблюдений за действиями актеров, и в особенности режиссера труппы Александровского.⁷³ Сочетание верноподданнического усердия оставшегося неизвестным офицера и административного рвения губернской администрации, а также управления Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, сопровождавшееся интенсивной перепиской по поводу представляемого труппой водевиля «Неожиданное счастье, или Теперь пора погулять» результатов не дало. Режиссер потерянно доказывал, что никакой связи с польскими событиями труппа его не имеет, ни одного поляка в ее составе нет, и что единственной целью пребывания актеров в Новгороде является «доставить удовольствие публике» и — заработать.⁷⁴ Подобные дела могли возникать только в обстановке крайней растерянности как местных, так и центральных административных органов.

В Царстве Польском восстание 1863—1864 гг. привело к ужесточению полицейского контроля за населением. Так, в 1863 г. был установлен порядок, «на основании которого все лица, прибывающие в Варшаву на срок более 24 часов, представляют свои паспорта <...> в надлежащие полицейские участки, в коих таковые хранятся до обратного выезда предъявителей из города».⁷⁵ 8/20 января 1864 г. была утверждена графом Бергом «Инструкция военным начальникам в Царстве Польском».

Царство Польское, исключая Августовскую губернию, было разделено «на 9 главных отделов, которые подчинены особым начальникам». Начальники этих отделов были «облечены правами генерал-губернаторов». В уезды назначались военные уездные начальники.⁷⁶ Каждый уезд делился на участки, «в центре которых располагаются войска для наблюдения за народонаселением и для исполнения полицейских мер». Военные начальники уездов имели право «требовать содействия войск во всех тех случаях, когда признают это необходимым».⁷⁷ Обыватели были обязаны «немедленно извещать» военные власти «о прохождении и расположении мятежнических шаек, под опасением предания военному суду и взыскания высшего денежного штрафа». Все гражданские власти были подчинены военным властям, и, за исключением гражданских губернаторов, любое должностное лицо могло быть отстранено от должности и заменено временно другим лицом, назначенным военной властью. Чиновники, «подозреваемые в прямом участии в беспорядках», немедленно передавались военно-следственным комиссиям.⁷⁸

⁷³ Там же, л. 6.

⁷⁴ Там же, л. 7—7 об., 8—9, 10—14.

⁷⁵ Такой порядок просуществовал около 14 лет и был отменен лишь в апреле 1877 г. ГАРФ, ф. 109 (III Отделение собственной его императорского величества канцелярии), оп. 162, д. 156, л. 1.

⁷⁶ Инструкция военным начальникам в Царстве Польском. Варшава, 1864. С. 1—2.

⁷⁷ Там же. С. 2—3.

⁷⁸ Там же. С. 3—5.

Инструкция Берга запрещала любые съезды и собрания землевладельцев, ксендзов и горожан и даже собрания «в частных домах, если военные начальники признают их вредными». Всех, содействовавших не только делом, но и словом мятежу или укрывавших подозрительных лиц, следовало арестовывать, а затем «поступать с ними на основании существующих по сему предмету правил». У тех, кто добровольно прекратил сопротивление, оружие немедленно отбиралось, они должны были подвергаться допросам, «и тех из них, в искренности которых не будет сомнения, приводить к присяге на верноподданство», а затем отдавать на поруки не менее чем 6 благонадежным поручителям.⁷⁹

В период восстания 1863–1864 гг. и после его разгрома началась массовая ссылка и высылка лиц, причастных к мятежу. Уроженцев Западных губерний следовало высылать в определенные местности, отделяя их от других ссыльных.⁸⁰ В Новгородской губернии высланные уроженцы Западных губерний направлялись в города Белозерск и Кириллов. Общее число высланных из Царства Польского и Северо-Западного края «за политические проступки и преступления» «во внутренние губернии Империи», по данным Министерства внутренних дел на 1 июля 1864 г., составило свыше 25 тысяч человек. Только казенных участников восстания в «Списке политических преступников» оказалось 508.⁸¹ В циркуляре Министерства внутренних дел от 12 августа 1864 г. указывалось, что к высылке в пределы Империи «как на водворение, так и на жительство под надзор полиции» следовало отныне прибегать «в редких и исключительных случаях, при действительной к тому необходимости, лиц же, причастных к мятежу», наказывать «по степени вины каждого на месте».⁸² Виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор и главноначальствующий в губерниях Витебской и Могилевской Н. Н. Муравьев заявлял о желании «большой части родственников следовать за лицами, высланными <...> по политическим мотивам». Но только женам и детям позволено было следовать как за ссыльными, так и за высылаемыми без лишения прав состояния.⁸³

В период с 11 сентября 1863 г. по 16 июля 1864 г. через Псков и Новгород в Москву и далее, во внутренние губернии России, в основном в Оренбургскую, Пермскую и Пензенскую, проследовала большая группа польских ссыльных из Западного края, причем можно отметить явное преобладание женщин, и абсолютное большинство составляли дворяне или служащие. Иногда высылались целые семьи; в других случаях члены семей сопровождали ссыльных. Среди 52 ссыльных, упомянутых в официальной переписке Новгородской губернской администрации и МВД, 24 названы дворянами и 8 «помещиками», несомненно, составившими одну социальную группу. Еще 15 — служащие или происхо-

⁷⁹ Там же. С. 6—9.

⁸⁰ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2261, л. 1, 10.

⁸¹ Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 2. С. 500—536. Список был составлен не позднее 1868 г.

⁸² ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2261, л. 45.

⁸³ Там же, л. 38.

дили из семей служащих; среди остальных — отставной офицер австрийской армии, учитель музыки с сестрой, вольнопрактикующий врач и книгпродавец.⁸⁴ В данном случае можно констатировать преобладание дворянской и чиновничьей социальных групп среди ссылавшихся повстанцев.

Согласно «Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции, и переписка по этому вопросу» среди «лиц, причастных к беспорядкам, бывшим в Волынской губернии», включая город Житомир 13 человек названы дворянами. Можно предположить, что к этой же социальной группе относятся еще два участника волнений, обозначенные в списках — «двор.»; что в данном случае с большой долей достоверности истолковывается как «дворяне». В различных учреждениях — Уездном суде, Гражданской палате (соответственно — 3 и 1) служили четверо участников волнений; еще один человек, также явно принадлежащий к этой группе, назван землемером, а 6 — просто «чиновниками». Всего, таким образом, на различной службе состояли 11 человек. Среди остальных упомянутых в списке политически неблагонадежных по г. Житомиру социальную принадлежность можно установить лишь для 1 провизора, 1 подполковника, 1 вольного хлебопашца, 1 однодворца. Кроме того, с некоторой долей определенности можно судить о социальной принадлежности еще трех польских повстанцев, о которых в списках указано — «сын актера, сын акушера, брат землемера». Среди остальных — 2 австрийских подданных, один «иностранец», о двух сказано — «варшавские уроженцы», еще 1 «не помнил происхождения», а у 11 человек социальное происхождение не указано.⁸⁵ Однако очевидно, что большинство участников волнений в Житомире принадлежало либо к шляхте, либо к чиновничеству и среднему городскому сословию. Социальный состав польских ссыльных включал помещиков, дворян, служащих, государственных чиновников, однодворцев, учащихся, крестьян.

Данные о социальном составе польских ссыльных в материалах ГИАНО позволяют выявить тенденцию к преобладанию в их составе представителей определенных социальных групп — это дворяне, служащие и средний слой городского населения. Однако простого выборочного статистического анализа социальной принадлежности ссыльных недостаточно, чтобы понимание прошлого стало многомерным и углубленным. Необходимо наряду с фактами политики, идеологии, социологии и т. д. ввести то, что придавало им плоть и кровь, образуя новые измерения: менталитет — национальный и личностный, связанные с этим стереотипы восприятия, самоидентификации и культуры, а также общественную память.⁸⁶ Такие материалы можно найти в делах Госу-

⁸⁴ Там же, д. 2263, л. 1—3, 8, 18, 23, 27—27 об., 30, 33, 36—37, 43, 46, 54, 61, 63, 66, 69—70, 73, 77, 80, 84, 88, 92.

⁸⁵ Там же, д. 2262, л. 56—56 об.

⁸⁶ Липатов В. А. Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов? // Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание / Под ред. А. В. Липатова, И. О. Шайтанова. М., 2000. С. 18.

дарственного исторического архива Новгородской области⁸⁷ и Государственного архива Российской Федерации.

Большинство польских ссыльных принадлежало к дворянской среде.⁸⁸ Среди дворян-участников революционного движения в Польше много однофамильцев. Например, в революционном движении 1863—1864 гг. в Польше участвовали студенты русских университетов Винцентий Вериго, член Московского студенческого огула, Эдмунд Вериго, студент Петербургского университета, член Литовского революционного комитета, прапорщик Александр Вериго, участник Петербургской офицерской организации.⁸⁹ В Новгородскую губернию за участие в польских событиях была выслана Елена Вериго.⁹⁰ Известна выдающаяся роль Зыгмута Сераковского, казенного в Вильно 15/27 июня 1863 г., в руководстве польским, литовским и русским революционным движением. В то же время за участие в революционных выступлениях в Новгородскую губернию был выслан А. Сераковский. Большое количество однофамильцев (возможно предположить также наличие близких родственников или представителей одной фамилии) среди польских ссыльных и участников движения 1863—1864 гг., отмечаемое в полицейских донесениях и архивных документах, также свидетельствует о широком распространении национально-революционных настроений именно в дворянской среде.

Особое значение в сохранении этнической идентичности имеет семья, где сохраняются устои традиционного воспитания. Проследить фамильные связи ссыльных и поднадзорных достаточно сложно, и можно лишь указать на отдельные факты, сохранившиеся в архивах. Так, например, в 1860 г. новгородскому губернатору было направлено предписание об установлении строго надзора над помещиком Вольинской губернии Валерьяном Стройновским.⁹¹ Валерьяну Стройновскому был «выдан годичный билет на годичное следование <...>, в числе прочих мест, и в Новгородскую губернию», и на случай его появления в губернии МВД просило губернатора «сделать надлежащее распоряжение о продолжении строгого секретного надзора на все время пребывания».⁹² Через 22 года, в 1882 г., в департамент полиции поступило донесение начальника финляндского жандармского управления о наблюдении за

⁸⁷ Систематизация и обзор материалов ГИАНО по истории польской ссылки даны начальником отдела этого архива Т. А. Данько.

⁸⁸ Возникновение фамилий (в том числе тех, представители которых впоследствии утратили представление о родстве или общности происхождения) в польской генеалогии связано с возведением этих фамилий не только к общему предку, но и с принадлежностью к общему гербу. При этом к одному гербу могли принадлежать и фамилии разного происхождения. Известно, например, 3 фамилии графов и дворян Бржостовских, каждая из которых имела свой герб, 4 фамилии графов и дворян Малаховских четырех разных гербов, 4 фамилии графов и дворян Сераковских также разных гербов, 4 фамилии Суходольских и т. д. *Долгорукий П. В.* Российская родословная книга. Прибавление к частям 1—4. СПб., 1856.

⁸⁹ Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 1. С. 128, 147, 312.

⁹⁰ ГИАНО, ф. 138. оп. 1, л. 2278.

⁹¹ Там же, д. 2255, л. 3—6 (об установлении наблюдения за В. Стройновским см. также д. 2088).

⁹² Там же, д. 2088, л. 1.

Карлом Пиустом *Валерьяновым* Стройновским, 38 лет. Наблюдение велось за К. П. Стройновским как политически неблагонадежным с 1864 г.⁹³ Валерьян Стройновский и Карл Пиуст Валерьянович Стройновский, возможно, также однофамильцы. Более доказательным является, конечно, пример семьи Крупских. Константин Игнатьевич Крупский (в свое время он воспитывался в Новгородском кадетском корпусе) происходил из дворян Вольнской губернии и был одним из руководящих деятелей комитета русских офицеров в Польше.⁹⁴ Роль Надежды Константиновны Крупской в русском революционном движении общезвестна.

В архивных материалах, касающихся ссыльных, наряду с упоминаниями о последовавших в ссылку вместе или вслед за мужьями семьях отмечаются также случаи ссылки членов одной семьи. Например, через Новгород в Оренбургскую губернию проследовали дворянки, дочери помещика Адель и Идалия Городецкие, учитель музыки Людвиг Новицкий с сестрой Александрой Новицкой. В Пермскую губернию также через Новгород следовали дочери помещика Елизавета и Елена Баранович, помещики Лев и Антон Струлло и т. д.⁹⁵ В ту же Пермскую губернию через Новгород проследовал бывший бухгалтер Ковенской палаты государственных имуществ Григорий Имшенник с семейством, членов которого выслали «как людей вредных и совершенно неблагонадежных в политическом отношении».⁹⁶

В некоторых случаях семья следовала в ссылку, но невозможно утверждать, что все ее члены участвовали в революционном движении. Это относится, например, к таким случаям, как ссылка семьи дворян Далевских. Вдова Доминика Далевская и ее дочь Юзефа обращались в Новгороде за медицинской помощью, и медицинским освидетельствованием было установлено, что болезнь их требует «более спокойной езды <...> особенно в продолжительности пути».⁹⁷ Однако не только причина ссылки, но и возраст матери и трех сестер Далевских — Юзефы, Сусанны и Жозефины не указан, поэтому утверждать, что вся семья участвовала в революционном движении, разумеется, невозможно. Но можно утверждать, что не всегда оказывавшиеся в ссылке члены семьи принимали участие в восстании: они лишь разделили участь близких. Такие эпизоды не всегда отмечались в документах, однако в некоторых случаях требовалось особое разрешение. Так, например, в документах МВД было отмечено, что с дворянкой Виленской губернии Бригидой Губинской «следует, с разрешения Высшего начальства, сын ее Феликс Губинский 13 лет».⁹⁸

Польские ссыльные вырывались из родной среды, из сложившейся системы социальных отношений. Это понимали и власти царской Рос-

⁹³ ГАРФ, ф. 102, оп. 78, д. 629, л. 1, 4.

⁹⁴ Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 1. С. 356, 358, 450, 464, 465, 478, 481.

⁹⁵ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2263, л. 2—2 об., 33, 43, 66.

⁹⁶ Там же, л. 88.

⁹⁷ Там же, л. 8—13.

⁹⁸ Там же, л. 84.

сни. Они, с одной стороны, опасались «вредного влияния» высылаемых за политические преступления из Царства Польского и Западного края, «какое могут лица эти иметь на местных жителей». С другой стороны, на их переселение требовались «значительные издержки», само это переселение крайне обременяло администрацию, а «при приведении в исполнение предположений о <...> колонизации <польских ссыльных> встречались затруднения».⁹⁹ Содержание ссыльных, высланных, направленных в арестантские роты, обходилось казне очень дорого. Царское правительство изначально стремилось оградить законные имущественные интересы ссылаемых и высылаемых без лишения прав состояния и одновременно точно определить их имущественное положение, чтобы не тратить лишние государственные средства на пособия от казны. В пункте 3 циркуляра МВД от 28 мая 1863 г. за № 80, излагавшего высочайшее соизволение государя императора, указывалось, что необходимо всякий раз извещать начальника губернии «о том, к какому званию принадлежит высылаемый; один ли он отправляется или с семейством и в сем случае, кто оное составляет и имеет ли он собственные средства или должен пользоваться пособием от казны». Имущество высылавшихся без лишения прав состояния подлежало охране и передавалось или семейству, «если таковое оставалось на месте», или под полицейский присмотр.¹⁰⁰

Положение польских ссыльных определялось разнообразными факторами: отношением центральной, губернской и местной администрации, их имущественным положением и отношением общества. Часть революционно настроенных кругов России и после восстания 1863—1864 гг. оказывала активную поддержку польским революционерам. Не случайно после покушения на Александра II, совершенного Д. Каракозовым, следственная комиссия упорно искала в деле «польский след». Но именно к организации покушения Каракозова на Александра II и ишутинскому кружку польские революционеры, действовавшие в России, отношения не имели.¹⁰¹ Особенно пристрасно изучался вопрос о причастности членов ишутинского кружка к побегу Ярослава Домбровского и его жены. Домбровский после побега, если судить по его письму, опубликованному в «Колоколе», оставался в России полгода и, безусловно, пользовался поддержкой русских революционных кругов.¹⁰²

Обращаясь к положению польских повстанцев, следует отметить не только факты сотрудничества революционных кругов Польши и России, но и стремление понять положение ссыльных административной властью, провинциальным обществом Новгородской губернии, понять и облегчить это положение. Материалы по надзору за политическими ссыльными показывают внимание властей к вопросу финансового обеспечения лиц, порученных их надзору. Так, в «Рапорте» белозерского ис-

⁹⁹ Там же, д. 2261, л. 45.

¹⁰⁰ Там же, л. 1—1 об.

¹⁰¹ Восстание 1863 года: Материалы и документы... Т. 2. С. 574—578, 582—589, 590—595.

¹⁰² Там же. С. 464.

правника за 1863 г. начальнику Новгородской губернии говорилось, что «из числа 9 человек, высланных из Западного края и находящихся <...> под надзором полиции в Белозерске, только дворянин Эдвин Урбанович объявил, что он может содержать себя собственными средствами; двоим <...> титулярному советнику Ревинскому и дворянину Ошмянского уезда Казимиру Ковзану <...> назначено содержание <от казны>, последние же (имеются в виду оставшиеся 6 человек. — *И. Я.*) объявляют себя вовсе не состоятельными и не имеющими никаких средств к содержанию, и из них коллежский советник Хомич и титулярный советник Бабянский объявили, что они содержали себя только жалованием, состоя на службе».¹⁰³

Большинство польских ссыльных, оказавшихся в Новгородской губернии, жило до высылки на жалование. Поэтому сохранилось большое количество прошений о назначении и повышении пособия, получаемого от казны. Так, Александру Бабянскому, высланному из Ковенской губернии, имевшему до высылки чин титулярного советника, было назначено на наем квартиры 1 р. 20 к. в месяц и 15 к. в сутки содержания.¹⁰⁴ Однако еще досылки Бабянский был представлен к следующему чину — коллежского асессора, и 24 октября 1863 г. произведен в этот чин Высочайшим указом с 12 мая 1863 г. Поэтому он оказался в следующем чине, уже будучи под надзором полиции в Белозерске (с 12 сентября 1863 г.). Поскольку чин асессора давал ему преимущества дворянства, Бабянский в мае 1864 г. просил, ссылаясь на положение от 7 февраля 1864 г., назначить ему квартирных 1 р. 50 к. и выплатить недоплаченные за 9 месяцев квартирные деньги, по 30 к. в месяц.¹⁰⁵ Между тем в докладе Новгородской казенной палаты указывалось, что Бабянскому и было назначено по 1 р. 50 к. с момента водворения в Белозерск, однако в документах до появления его прошения в мае 1864 г. фигурирует лишь цифра в 1 р. 20 к. В январе 1865 г. Бабянский вновь обращается с просьбой об увеличении ему содержания до 6 р. 6 к. в месяц «как другим дворянам», поскольку квартирных и суточных денег ему выплачивалось с 1 января 1865 г. лишь 5 р. 76 к., что он в своей «Записке» на имя начальника губернии называет «разительной несправедливостью», просит «исходатайствовать полного содержания» и выплатить недополученные с 11 сентября 1863 г. деньги.¹⁰⁶ 13 января 1865 г. Новгородская казенная палата ответила белозерскому исправнику, что квартирных по 1 р. 50 к. Бабянскому назначено, и «следует удовлетворить его по сему расчету и за все время с 12 сентября 1863 г.».¹⁰⁷ Дело, разумеется, не в какой-либо особой корытности Александра Викентьева Бабянского (как он назван в «Ведомостях о лицах, состоящих под надзором полиции»). Во-первых, на казенное содержание прожить можно было с большим трудом. Во-вторых, сохранялись сословные привилегии, даже при

¹⁰³ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2266, л. 10.

¹⁰⁴ Там же, л. 12 об.

¹⁰⁵ Там же, л. 25.

¹⁰⁶ Там же, л. 63—63 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 64.

получении кормовых и квартирных денег,¹⁰⁸ и стремление человека, не лишённого прав состояния, утвердиться как в собственном мнении, так и во мнении окружающих понятию. А в-третьих, несомненно, что чиновничество, столь укоренившееся в русском обществе, распространилось и в польской служилой среде, которая была частью русского чиновничества.

Очень тяжёлым было положение семей, последовавших за высланными. Как писал в своей «Записке» 22 апреля 1864 г. Иосиф Хомич, на получаемое пособие суточных и на квартиру по 5 р. 70 к. в месяц он «не в состоянии прокормить даже сухим хлебом себя с семейством».¹⁰⁹ Хомич просил назначить пособие жене и детям, которых, как выясняется из дальнейших материалов дела, у него было шестеро. Пособие и квартирные деньги назначались также и членам семьи высланного — жене в равном с мужем, а детям — в половинном размере.¹¹⁰ Высланных по политическим мотивам из Западных губерний не разрешалось принимать на государственную службу. Хомич же всю жизнь состоял на государственной службе, и иного заработка, а следовательно, и средств к жизни, не имел. Поэтому, вплоть до получения Иосифом Хомичем разрешения переселиться в Августовскую губернию Царства Польского, семья его продолжала нуждаться в государственном пособии.¹¹¹

Информацию об отношении русского общества к польским ссыльным можно извлечь и из таких источников, как дела по надзору за ссыльными, «Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции». Так, о поведении ссыльных в «Ведомостях» по Белозерскому уезду написано, что ведут они себя «спокойно», «прилично», «хорошо». Кроме того, сделаны дополнительные замечания, например: об Иосифе Девинском, что «характера не совсем спокойного», «но в сношениях его ничего вредного в политическом отношении не обнаруживается»; а о Казимире Ковзане, что «характера весьма тихого», без всяких средств к жизни, а потому состоял «в услужении». В обществе к нему относились «с сочувствием».¹¹²

В феврале 1864 г. МВД разослало по губерниям «Секретное предписание» о просмотре корреспонденции польских ссыльных.¹¹³ Полякам, находившимся в уездных городах Новгородской губернии, было заявлено, «чтобы все письма, ими отправляемые, были доставляемы для просмотра» уездному исправнику, и предложено было «в отклонение медленности» писать на русском, французском или немецком языках, «что многими и исполняется». Однако письма, получаемые ссыльными, часто были написаны на польском языке, и, например, кирилловский исправник его не знал, а равно не знали его достаточно хорошо и другие представители власти в Кириллове. Уездный исправник просил, чтобы письма на польском языке, приходящие «политическим лицам» из За-

¹⁰⁸ Там же, д. 2261, л. 34.

¹⁰⁹ Там же, д. 2266, л. 22.

¹¹⁰ Там же, д. 2261, л. 63.

¹¹¹ Там же, д. 2266, л. 96—97, 108—108 об.

¹¹² Там же, д. 2262, л. 88.

¹¹³ Там же, д. 2261, л. 26—26 об., 27, 30.

падного края, «предоставлялись для распоряжения» самому губернатору.¹¹⁴

Переписка ссыльных поляков с родными и знакомыми сохранилась в переводах. Большая часть писем передана кратким изложением содержания. Однако и из него можно понять круг интересов и проблем, которыми жили ссыльные. В основном сообщалось об имущественных делах, о пересылке денег, положении членов семьи и знакомых.¹¹⁵ В отдельных случаях приходили сообщения о положении самих ссыльных. Так, Аполлония Андрисвич сообщала из Стерлитамака в декабре 1864 г. своему брату Свирскому, сосланному в Новгородскую губернию, о том, как содержалась во время пересылки в Московской тюрьме, о своем положении на месте ссылки.¹¹⁶ Однако и в этом случае ничего противозаконного письмо, с точки зрения цензоров, не содержало. Довольно часто и ссыльные, и их корреспонденты жаловались на задержку писем или отсутствие ответов. Такие задержки, возможно, связаны с тем, что 14 июля 1864 г. МВД издало секретный циркуляр, требовавший, чтобы «все письма высланных <...> по политическим причинам лиц, адресуемые в Царство Польское, были непременно пересылаемы в Управление генерал-полицейстера в Царстве», и только он мог передавать эти письма «по принадлежности».¹¹⁷ Даже краткое содержание писем показывает, что ссыльные поляки продолжали жить интересами Польши, своих близких, воспоминаниями о религиозных праздниках, упоминаний о которых в письмах тоже очень много. «Остается мне, — писала в письме к Иосифу Кригеру его жена или возлюбленная, — только приносить молитвы горести к нашей наилучшей опекунше Марии Острабрамской, чтобы как можно скорее та благая минута наступила — твоего, мой любезный, возвращения».¹¹⁸

Ссыльные тоже надеялись на возможность скорейшего окончания своего изгнания и жили прежде всего интересами своей прежней жизни. Однако тяжелое материальное положение не допускало полной изоляции большинства ссыльных от общения с населением и властями Новгородской губернии. Многие ссыльные обращались с просьбами о разрешении заниматься преподаванием французского языка, вести медицинскую практику. Министерство внутренних дел позднее позволило всем политическим ссыльным «из врачей, ветеринаров, фармацевтов и нижних медицинских чинов», как не лишенных прав состояния, так и лишенных, «но восстановленных в оных, <...> свободно заниматься частною медицинскою практикою, наравне с прочими лицами, имеющими документы на ученое медицинское звание».¹¹⁹ Что касается преподавания, то политическим ссыльным оно было воспрещено даже в ча-

¹¹⁴ Там же, д. 2286, л. 5 об.—6.

¹¹⁵ Там же, д. 2360 (переводы писем ссыльных участников Польского восстания). См., например: л. 2, 4, 5 указанного дела.

¹¹⁶ Там же, л. 1.

¹¹⁷ Там же, д. 2261, л. 43.

¹¹⁸ Там же, д. 2360, л. 8—9 об.

¹¹⁹ Разрешение на занятия медицинской практикой было дано в 1872 г. Там же, д. 2261, л. 105.

стных домах. МВД разослало специальный циркуляр, в соответствии с которым для допущения «на службу по ведомству Народного просвещения и к частному преподаванию вообще» необходимо было иметь о таких кандидатах сведения, не состоят ли они под надзором. Нельзя было поднадзорным также открывать школы.¹²⁰ Начальник Новгородской губернии 7 сентября 1870 г. сделал строгий выговор новгородским полицмейстеру и исправнику за непринятие «установленных законом мер» в связи с нарушением такого запрета.¹²¹

Среди высланных было довольно много ксендзов. Как правило, ксендзы направлялись на жительство в отдаленные уезды Новгородской губернии, попадая, очевидно, под действие секретного циркуляра МВД о необходимости «лиц привилегированных сословий сосредоточивать в местностях более отдаленных».¹²² Однако уже в 1864 г. жительство было встревожено появлением во внутренних губерниях России большой массы польских ссыльных, «по вредному влиянию, какое могут лица эти иметь на местных жителей».¹²³ Поскольку ксендзы пользовались большим авторитетом не только в польском обществе, но и среди католического населения внутренних губерний, и на их содержание требовалось выделить определенную сумму, в том же 1864 г. МВД затребовало от начальников губерний, в том числе и новгородского губернатора, «списки ксендзам, высланным с октября 1861 г. из Царства Польского <...> и пользующимся пособием от казны на счет сумм Царства».¹²⁴ Пособие ксендзам назначалось в том же размере, что и другим ссыльным.

В Новгородскую губернию были отправлены ксендз Волоатовский за отказ хоронить майора Хлуса, повешенного восставшими,¹²⁵ ксендзы Пиогрович, Табенский,¹²⁶ Затц¹²⁷ и другие ксендзы и монашествующие, в том числе неромонах Ченстоховского монастыря Бонавенгура Гавельчик.¹²⁸

Положение обычного ссыльного представителя римско-католического клира можно рассмотреть на примере дела ксендза Радожского костела Гомельского уезда Феликса Грохальского, посланного по решению Главного начальника Северо-Западного края. Он был выслан «как вредный для пребывания <...> в крае». Генерал Муравьев, «по рассмотрению следственного дела <...>, находя, что он в разговорах неоднократно выражал крайнее свое неудовольствие к правительству и высказывал надежду на успех поляков в деле их восстания», признал его

¹²⁰ Там же, л. 82.

¹²¹ Там же, л. 84—84 об.

¹²² Там же, л. 42.

¹²³ Там же, л. 45.

¹²⁴ Там же, л. 49.

¹²⁵ Там же, д. 2272.

¹²⁶ Табенский позже был назначен викарием Новгородской римско-католической церкви. Там же, д. 3047.

¹²⁷ Ссыльный ксендз Людвиг Затц был назначен капелланом к епископу Попелю. См.: Там же, д. 2597. К Попелю был назначен капелланом и ксендз Синдрович. См.: Там же, д. 2762.

¹²⁸ Там же, д. 2517.

«поэтому крайне неблагонадежным в политическом отношении». Ксендз был отправлен «на жительство в отдаленные уезды Новгородской губернии под строгий надзор полиции».¹²⁹ Белозерский уездный исправник сообщал, что ксендзу Феликсу Грохальскому, «не имеющему собственных средств к существованию», «было назначено 1 р. 50 к. в месяц на квартиру и 15 к. содержания в сутки».¹³⁰ По прибытии в Белозерск ксендз Грохальский был «подвергнут строгому полицейскому надзору». По отзыву того же исправника, Грохальский был «поведения хорошего, но права скрытного и образа мысли вредного; мерам <...> правительства подчиняется неохотно».¹³¹

Вскоре после начала массовой высылки из Царства Польского католического клира возник вопрос о необходимости «окормления» католической паствы, прежде всего именно в отдаленных местностях. По в Новгородской губернии значительного увеличения польской католической общины не произошло. В рапорте от 10 апреля 1864 г. белозерский уездный исправник сообщал, что ксендз Грохальский заявил «желание устроить в квартире, им занимаемой, молельню как для себя, так и для прочих поляков здесь, <в Белозерске> находящихся».¹³² Однако Министерство внутренних дел ответило, что, несмотря на многочисленные ходатайства высланных римско-католических священнослужителей устраивать «каплицы или подвижные алтари и разрешении устраивать богослужения», как в Новгородской губернии, так и во всех остальных, «подобные просьбы не могут подлежать удовлетворению и что духовное призвание римско-католиков должно оставаться на бывших доселе основах, то есть лежит на местных ксендзах, или же на объезжающих время от времени губернии капелланах, а не может быть поручаемо высланным за политическую неблагонадежность ксендзам». Не было позволено устроить молельню и Грохальскому.¹³³ Специальной инструкцией МВД подтвердило, что «лица духовного сана, как-то ксендзы и другие состоящие под надзором полиции, не имеют права священнодействовать и совершать духовные требы».¹³⁴

Позже, в 1868 г., выслан в Новгород был также епископ Попель.¹³⁵ 14 августа шифрованной телеграммой новгородским губернским властям было сообщено о высылке в Новгород епископа Попеля и отдано распоряжение «озаботиться приготовлением для него приличного помещения и учреждения за ним по прибытии его надлежащего надзора».¹³⁶ На наем квартиры для епископа Попеля было выделено 30 р., но запрещено разглашать известия о его высылке и сообщать, для кого на-

¹²⁹ Там же, д. 2270, л. 1—2 об.

¹³⁰ Там же, д. 2266, л. 18. См. также д. 2270, л. 4—4 об.

¹³¹ Там же, д. 2270, л. 3, 14.

¹³² Там же, л. 8.

¹³³ Там же, л. 10—10 об.

¹³⁴ Там же, д. 2261, л. 134.

¹³⁵ Там же, л. 116—166 об. См. также: д. 2270; д. 2272; д. 2294; д. 2512; д. 2513; д. 2514; д. 2515; д. 2517; д. 2755; д. 2749; д. 2763; д. 2825.

¹³⁶ Там же, д. 2513, л. 1.

нимается квартира.¹³⁷ Попель прибыл в Новгород в сопровождении жандармов и поручика Альбертова, и за ним был учрежден секретный надзор. При этом распоряжение о секретном надзоре ни в коем случае не могло быть оглашено.¹³⁸ Возможно, власти опасались каких-либо акций со стороны местных католиков. В губернии была небольшая католическая община — около 1580 человек.¹³⁹ Несмотря на то что высланным польским священнослужителям было воспрещено заниматься отправлением религиозных культов, к епископу Попелю, например, назначались капелланы из числа ссыльных ксендзов.¹⁴⁰

Власти Новгородской губернии осуществляли наблюдение не только за ксендзами, сосланными в ее уезды, но и за священнослужителями, прибывающими из Царства Польского и Северо-Западных губерний по личным делам, в том случае, разумеется, если эти лица состояли под секретным надзором полиции. Так, в 1868—1870 гг. устанавливалось секретное наблюдение за викарием Виленского Св. Иоанна костела ксендзом Михаилом Глембоцким. Причины, по которым за Глембоцким был установлен надзор, неочевидны. Можно допустить, что это было связано с его деятельностью в Вильно. В г. Валдае Новгородской губернии у Глембоцкого был брат, Николай, находившийся при больнице Валдайской уездной земской управы с 1867 г. и утвержденный в должности в 1870 г., и где, как очевидно из материалов дела, проживал их отец. За Николаем Глембоцким никакого наблюдения не было, однако за ксендзом Михаилом наблюдали очень внимательно, отмечая, например, что ксендз самовольно отправился в Санкт-Петербург в 1868 г., отмечались неточности в выданном ему билете на пребывание в губернии — ксендз просил билет не только в Валдайский уезд, но и Старую Руссу.¹⁴¹ Но постепенно внимание к визитам ксендза Михаила падало. В 1870 г. ксендз был помещен в Виленский Кармелитский монастырь, но в связи со смертью отца он вновь получил «двухмесячный отпуск в г. Валдай для устройства семейных дел».¹⁴² На этот раз никаких препятствий к тому, «что такое свидание может быть дозволено», не нашлось,¹⁴³ да и власти поняли, что ксендз приезжает с целью увидеть брата и помолиться об отце. Едва ли губернские власти всерьез полагали, что приезд ксендза, хотя бы и находящегося под секретным надзором, повлияет как-то на ситуацию в Валдайском уезде, Валдае и Старой Руссе.

В период массовой высылки поляков существенных изменений во внутренней обстановке Новгородской губернии не произошло. Основными происшествиями в 1866 г. оставались пожары, ущерб от которых

¹³⁷ Там же, л. 2 об.

¹³⁸ Там же, л. 4.

¹³⁹ *о. Мирослав Корчак*. Из истории римско-католической общины Новгородской губернии // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2003. С. 18—19.

¹⁴⁰ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2597.

¹⁴¹ Там же, д. 2515, л. 1, 2, 5—5 об., 6, 8, 9.

¹⁴² Там же, л. 14.

¹⁴³ Там же, л. 16—16 об.

редко превышал 500—600 р., скоропостижные смерти, случаи гибели от холода, утопления или «от излишнего употребления водки». В рапортах уездных исправников отмечались пьяные драки, кражи. Самым серьезным происшествием было обнаружение фальшивомонетничества.¹⁴⁴ Любое происшествие с огнестрельным оружием тщательно отслеживалось, и по таким делам проводилось дополнительное следствие.¹⁴⁵ Случаи убийств были крайне редкими. Обстановка в уездах оставалась очень спокойной, и бывало, как, например, по г. Тихвину и Тихвинскому уезду в период с 15 января по 1 февраля 1866 г., «состояло все благополучно и происшествий никаких не было». Число заключенных менялось незначительно и не превышало 250 человек, поднадзорных в Новгороде было чуть больше 30.¹⁴⁶

Можно утверждать, что пребывание ссыльных поляков в Новгородской губернии, практически полностью православной, далекой от революционного бурления столиц империи, формировало представление о них в провинциальном обществе как людях, чуждающихся всего русского, но в целом воспитанных, ведущих себя спокойно и прилично. А в своем тяжелом материальном положении ссыльные могли рассчитывать по крайней мере на сочувствие этого общества и на принятие властями предусмотренных законом мер.

В 1866 г. были проведены первые меры по «облегчению участи подвергшимся осуждению за участие в бывшем восстании» на основании 16 апреля последовавшего Высочайшего повеления. Сосланным в Сибирские губернии разрешался перевод во внутренние губернии России, но за их собственный счет.¹⁴⁷ 28 октября того же 1866 г. лицам, отлучившимся за границу, «без узаконенных видов», было даровано прощение. Правда, мера эта не распространялась на тех «польских выходцев, бежавших за границу, которые принимали участие в последнем польском мятеже, как обвиняемые в ином, кроме побега, самостоятельном преступлении». Но если эти бывшие повстанцы «не виновны в особых уголовных преступлениях», то новые дела на них не заводились, а уже начатые подлежали прекращению.¹⁴⁸

В 1867 г. МВД сообщило, что перевод из Сибирских губерний в центральные местности России распространен и на лиц привилегированных сословий.¹⁴⁹ Однако все требования к высланным сохранялись, и даже специально было разъяснено, «что добровольно находящиеся при высланных, по бывшему польскому восстанию, подлежат тем же ограничениям, как и сами высланные». И выезд их из мест высылки мог «быть предоставлен не иначе как с особого разрешения, <...> по представлению губернатора министру внутренних дел, о каждом лице особо».¹⁵⁰ На основании Высочайшего повеления 17 мая 1867 г. было по-

¹⁴⁴ Там же, д. 2440, л. 1—5.

¹⁴⁵ Там же, л. 26—28.

¹⁴⁶ Там же, л. 24.

¹⁴⁷ Там же, д. 2261, л. 65.

¹⁴⁸ Там же, л. 68.

¹⁴⁹ Там же, л. 65—65 об.

¹⁵⁰ Там же, л. 67—67 об.

зволнено, по представлению начальников губерний, «возвратиться на родину тем из них, которые заслуживающим поведением докажут свою благонадежность».¹⁵¹

В 1869 г. меры по облегчению положения ссыльных были продолжены. Поляки и все вообще участники восстания, отданные в военную службу, «одобряемые начальством в поведении», должны были быть уволены «без именованя воинским званием». И в случае согласия властей Царства Польского и Западных губерний могли возвратиться на родину с подчинением их на месте жительства полицейскому надзору.¹⁵² Однако 7 сентября 1870 г. МВД сообщало новгородскому губернатору, что по повелению императора следует «все ходатайства о возвращении ссыльных поляков на родину отложить до более спокойного времени».¹⁵³

4 декабря 1870 г. были восстановлены временно приостановленные меры, «коими политическим ссыльным из Царства <Польского> и Западного края разрешено возвратиться и переселяться в Царство».¹⁵⁴ Те бывшие ссыльные, которые смогли воспользоваться повелением от 17 мая 1867 г. и впоследствии приняты на государственную службу, в вопросе о въезде в другие части империи были уравнены в правах с прочими жителями Царства Польского, не принимавшими участия в восстании.¹⁵⁵ В дальнейшем, в 1872 г., служащим Царства Польского из числа бывших ссыльных был разрешен свободный проезд в столицы и Западный край.¹⁵⁶ 9 января 1874 г. были освобождены от надзора полиции и получили дозволение возвратиться на прежнее место жительства лица, не лишённые прав состояния, когорым обвинение в государственных преступлениях было предъявлено до 1 января 1871 г.¹⁵⁷ В дальнейшем, в ноябре 1876 г., вновь было приостановлено рассмотрение «ходатайств о возвращении на родину как политических ссыльных и эмигрантов из уроженцев Западного края и Царства Польского, так и вообще лиц, высланных оттуда».¹⁵⁸ Это повеление было отменено лишь 5 ноября 1882 г., после восстановления существовавшего до 23 ноября 1876 г. порядка «рассмотрения ходатайств о возвращении на родину» ссыльных поляков, эмигрантов и всех вообще высланных из Царства Польского и Западного края.¹⁵⁹

В особые условия были поставлены сосланные представители католической церкви. В 1870-х гг., когда возвращение ссыльных стало более массовым, специально разъяснялось, что ксендзы «должны пользоваться монаршею милостью», дававшей им возможность возвратиться на родину «с тем, однако, чтобы в отношении лиц духовного звания со-

¹⁵¹ Там же, л. 72—72 об.

¹⁵² Там же, л. 80.

¹⁵³ Там же, л. 85.

¹⁵⁴ Там же, л. 89.

¹⁵⁵ Там же, л. 91.

¹⁵⁶ Там же, л. 92.

¹⁵⁷ Там же, л. 175.

¹⁵⁸ Там же, л. 155.

¹⁵⁹ Там же, Циркуляр МВД 12 ноября 1882 г., № 8914.

блюдался порядок», специально установленный МВД.¹⁶⁰ По мнению властей империи, вернувшимся ксендзам должен был быть закрыт путь к пастве. Но уже в начале 1880-х гг., как отмечалось Департаментом полиции, «все ксендзы, скомпрометированные во время бывших в 1863—1864 гг. беспорядков в крае, в последующие десятилетия получили повышения и самостоятельные назначения».¹⁶¹

В период, последовавший за разгромом восстания 1863—1864 гг., Польша была «усмирена» столь радикально, что национальное движение приняло в основном легальные формы. Но, несмотря на ликвидацию наиболее активных сил национальной оппозиции и апатию лидеров национального движения, поляки, хотя и потерпели военное поражение, не были разгромлены. «Они не поддавались нажиму не только духовно, но и характерологически». «Их нельзя было интегрировать в другой круг культуры, ассимилировать идейно, а тем более конфессионально, ибо за ними стояла не только богатая история самостоятельного, и притом великодержавного существования», «не только роль <...> форпоста <Запада> и одновременно восточного авангарда католической церкви и латинской культуры, но и особая, собственными усилиями созданная, а затем воспроизводящаяся, <...> питающая и развивающая нацию, ее самосознание, ее ментальность, система шляхетской демократии». «Национальная гордость сословной общности была неразрывно связана с индивидуальным чувством собственного достоинства».¹⁶²

Национальное самосознание поляков, оказавшихся после раздела Польши в составе Российской империи, предполагало восприятие себя «как члена определенной социальной группы», прежде всего конфессиональной. Католицизм выступал специфическим признаком национальной идентичности поляков, а конфессиональная принадлежность — своя и чужая — осознавалась как основная социокультурная характеристика этноса. Специфика положения русской администрации в польских землях, «навязывание» населению административных порядков империи способствовали усилению влияния католического клира. В целом, католическое духовенство хотя и не проявляло открыто свою оппозиционность, но, безусловно, являлось главным центром этнокультурной и отчасти этнополитической мобилизации польского общества.

Сословия помещиков, шляхты и разночинцев «по сильно развитому в них религиозному фанатизму <...> неприязни к русским, крайне неблагонадежны и всегда готовы к восприятию всякого революционного движения».¹⁶³ Как в Царстве Польском, так и во внутренних губерниях России, поляки стремились избежать общения с русскими. Даже в других отдаленных губерниях национальных окраин (например, на Кавказе) они сближались скорее с местным населением, но ни в коем случае не с русскими.¹⁶⁴ В губерниях Привислинского края даже «чиновники

¹⁶⁰ Там же, л. 107.

¹⁶¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 81, д. 59, л. 25.

¹⁶² Литатов В. А. Россия и Польша... С. 25.

¹⁶³ ГАРФ, ф. 102, оп. 81, д. 59, л. 27.

¹⁶⁴ Там же, оп. 80, д. 88, ч. 2, л. 11.

<...> польского происхождения», которые в целом не подавали «повода сомневаться в их политической благонадежности»,¹⁶⁵ смотрели «на службу не как на долг принесения пользы отечеству, но просто как на средство содержания себя и своей семьи». Семьи свои они стремились в русское общество не вводить, а свои отношения с русскими ограничивали официальными визитами.¹⁶⁶

Польская диаспора в Новгородской губернии, несмотря на неизбежность тесных контактов с администрацией, проявляла то же стремление изолировать свою жизнь от русского общества, что и поляки Царства Польского. Польские ссыльные вели жизнь очень замкнутую, сношения с русским обществом, как правило, не имели. Даже нейтральное, а часто и доброжелательное отношение русского провинциального общества к ссыльным полякам, а равно религиозная свобода католиков как во внутренних губерниях, так и в Царстве Польском (Привислинском крае) и Северо-Западных губерниях, не стали основанием для нормализации польско-русских межкультурных отношений. Поэтому контакты русского общества и польских ссыльных носили только официальный или служебный характер.

Во многом это объяснялось постоянным полицейским надзором. Начальник полиции в той местности, куда направлялись политические ссыльные, «должен стараться постоянно облегчать, по возможности, те затруднения, которые встречаются для лица, поселяющегося в чужой и незнакомой местности». «Строгим исполнением долга и вместе с тем заботливостью начальник полиции <должен> <...> внушить к себе не только уважение, но и само доверие». Но при этом требовалось наблюдать, с кем поднадзорный ведет знакомство, кого навещает, «не образовались ли у него с кем-либо из местных жителей, и с кем именно, особые связи и отношения». Начальнику полиции должно было быть известно, «какое влияние имеет местное общество на порученного надзору, и наоборот, какое впечатление производит сей последний на местных жителей».¹⁶⁷

Впрочем, как МВД, так и сами официальные власти Новгородской губернии обращали внимание, что требования, предъявляемые к надзору за ссыльными, далеко не полностью выполняются полицейскими чинами. Так, в 1870 г. МВД направило начальнику Новгородской губернии циркуляр, в котором указало, что распоряжения о строгом полицейском надзоре нарушаются. Политические ссыльные, в том числе из Царства Польского, должны быть «по приезде в город или уезд всегда <...> в виду местной полиции, которая и обязана следить за образом их жизни, поведением и занятиями. И в случае замеченных ею противозаконных со стороны их действий тотчас принимать законные меры». Новгородская же полиция иногда не знала даже о проживании ссыльных.¹⁶⁸ В 1874 г. уже начальник Новгородской губернии указывал,

¹⁶⁵ Там же, оп. 81, д. 59, л. 17.

¹⁶⁶ Там же, л. 7—8.

¹⁶⁷ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2261, л. 132—132 об.

¹⁶⁸ Там же, л. 84—84 об.

что надзор полиции за высылаемыми в Новгород лицами совершенно номинальный. Так что, когда губернатор захотел посетить епископа Попеля, но не знал его нового адреса, то два городских полицейских, к которым он обратился, «объявили, что не знают не только ни прежней ни новой квартиры его <Попеля>, но даже не знают, что такая личность проживает в городе».¹⁶⁹ В то же время католическое население города и губернии пользовалось полной религиозной автономией. Шла активная церковная жизнь, преподавался Закон Божий в гимназии для католиков.¹⁷⁰

Губернии Северо-Западного края и Царства Польского не были изолированы от социально-политических процессов Российской империи. Период, последовавший за реформами 1860-х гг., ускорил в России процесс формирования индустриального общества. Это неизбежно означало возникновение новых принципов организации на базе эффективности, рационализма и регулятивности. Экономика и государство определяли бытие человека в такой системе, требовали приемов унификации, классификации, квантитификации человеческого поведения. С «утверждением рыночных отношений, как основы новой социальности, и с формированием современных цивилизационных принципов национального государства, права и просвещения»¹⁷¹ возникал соответствующий субъект такой системы — дисциплинированный, но при этом способный к саморегулированию. «Новоевропейская „политическая технология“ человека составлена из дисциплинарно-манипулятивных техник»,¹⁷² ставших основой новых стереотипов социального поведения.

Стереотипы социально-политического поведения опираются, прежде всего, на реалии экономической ситуации. В польских землях, входивших в состав России, процесс индустриализации — промышленный переворот — пришелся на вторую половину XIX в. Во второй половине XIX в. польские земли «из территорий преимущественно сельскохозяйственного производства превратились в аграрно-промышленные».¹⁷³ Новые условия экономических отношений создавали новую социальную классификацию, определявшую и формы социального поведения.

Аграрные реформы вызвали на польских землях значительный рост числа земельных собственников. Владельцами земли стали как бывшие помещики и шляхта, так и крестьяне. Крупные собственники вместе с тем владели по-прежнему более чем половиной всей земельной собственности — 56,5 %.¹⁷⁴ Крупные землевладельцы в Царстве Польском, переходившие к рыночным формам его ведения, постепенно интегрировались с городской буржуазией. Изменялась и структура крестьянского хозяйства, росло социальное расслоение в деревне. Состоятельная часть

¹⁶⁹ Там же, л. 116.

¹⁷⁰ *о. Мирослав Корчак*. Из истории римско-католической общины... С. 19.

¹⁷¹ *Ерасов Б. С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. С. 165.

¹⁷² *Шкуратов В. А.* Историческая психология. Ростов-на-Дону, 1994. С. 175.

¹⁷³ Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864—1914 гг. / Под ред. К. В. Дуненко, М. И. Ленина. М., 1988. С. 7.

¹⁷⁴ Там же. С. 9.

крестьянства все активнее сотрудничала экономически с обуржуазившимися помещиками.

Более чем в два раза выросла в последней трети XIX в. численность фабрично-заводских рабочих. Формировалась его особая социальная психология. Наемные рабочие мелких мастерских, а также многочисленные группы, занятые в сфере услуг, в меньшей степени были затронуты процессами унификации и регуляризации. Эта группа наемных работников, как и ремесленники, сохраняла традиционно сословные представления и психологию.

Помещики, несмотря на запрет после 1863 г. принимать их на государственную службу, сохраняли свой престиж в обществе. Значительно выросло в Царстве Польском число представителей средней и мелкой буржуазии, занимавшейся торговлей и предпринимательством, и потеснивших в этой сфере выходцев еврейской и немецкой национальностей. Росло число поляков среди крупных предпринимателей – владельцев горно-металлургических, текстильных, машиностроительных, химических предприятий. Выросли крупные финансовые предприятия, опиравшиеся на местные капиталы в Варшаве и Лодзи.

В то же время пополнялись ряды образованной элиты, причем не только за счет привилегированных, но и плебейских сословий, она включала как творческую интеллигенцию, так и технических специалистов, преподавателей различных уровней, клир, частных служащих – администраторов, экономистов, лиц свободных профессий.¹⁷⁵

Период 1870—1880-х гг. стал не только временем глубоких социально-экономических перемен, но и появления новых тенденций в национально-освободительном движении в Польше: национальное движение принимает легальные формы, в то же время усиливается революционное течение, происходит сближение с русским революционным народничеством. Сутью этого движения «был бунт против старой бытовой морали, насаждавшейся столетиями самодержавного правления, и на смену этой морали шла новая революционная мораль».¹⁷⁶ Это стремление к самовыражению, борьба за индивидуализм сближали русских и польских революционеров. Вместе с тем, как справедливо отметил В. Я. Гросул, «борьба за свободу личности в России причудливо соединялась с принципами коллективизма».¹⁷⁷ Но такой коллективизм не мог быть воспринят польской ментальностью.

Польские национальные и революционные деятели находились под постоянным контролем царского правительства как в империи, так и за ее пределами. В наблюдениях за польскими революционерами были задействованы Департамент полиции, жандармское управление и даже МИД России. Так, в 1878 г. в Лондоне началась подготовка к изданию социалистической газеты «Commune». В донесении из Лондона российское посольство отмечало, что идеи, положенные в основу этого изда-

¹⁷⁵ Подробнее см.: Там же. С. 7—19.

¹⁷⁶ Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX в. М., 2001. С. 69.

¹⁷⁷ Там же.

ния, показывают, что оно пойдет по пути, проложенном поляками. Прежде всего русские революционеры сотрудничали с польским революционным союзом «Огнінско» («под председательством генерала коммуны Врублевского»).¹⁷⁸ Газету предполагалось доставлять через польские земли Германии, и адрес книгопродавца в Позене был сообщен начальнику Варшавского жандармского округа.¹⁷⁹ Полиция следила не только за известными деятелями национального движения, но проверяла любые сведения, связанные с деятельностью польской эмиграции. Так в донесениях Департамента полиции упоминались встреченные в Клиши заграничным тайным агентом царской охранки польские революционеры Пикульский и Домбровский, «очень вредные для России».¹⁸⁰

Кайзер Вильгельм I придавал «особое значение интригам поляков, которые, по его словам, стремятся сблизиться с русскими в видах поддержания католического духовенства против Пруссии и Германии и поколебать дружественные отношения России к германскому правительству». По мнению кайзера, такое ухудшение и было конечной целью поляков. Бисмарк и Вильгельм I опасались, что Россия использует недовольство католического населения польских провинций.¹⁸¹

В донесениях жандармских управлений отмечалось, «что социально-революционные учения проникли и в Царство Польское». В 1878—1879 гг. в Варшаве образовалось несколько тайных кружков, деятельность которых была пресечена, а участники подверглись наказанию. Но с 1880 г. движение возобновилось как среди варшавян, так и среди польского населения в России — прежде всего в Петербурге, Москве, Киеве, а также в Вильно. В Варшаве учитель Казимир Сосновский и кандидат на судебную должность Сигизмунд Балицкий образовали «тайное общество, целью которого было отделение Польши от России и экономическое устройство ее на основах социализма». Прелagалось федеративное устройство Польши, причем федерация должна была состоять из отдельных гмин, основу которых составляли рабочие корпорации, владеющие предприятиями, и общинное владение землей. Организаторы общества стремились вовлечь в его ряды поляков, проживающих в русских городах, для чего «предложено было создавать социально-революционные гмины», направлявшие своих представителей в «рабочий охранительный совет» в Варшаве. Предполагалось создать органы охраны (особый суд и полицию), издавать газету. Организация действовала активно, в Варшаве численность гмины быстро росла. Гмины были образованы также в Петербурге, Москве, Вильно, куда из Варшавы был направлен специальный представитель — Александр Розевич. Петербургская польская гмина примыкала «к обеим ветвям русской социально-революционной партии».¹⁸²

¹⁷⁸ ГАРФ, ф. 109 (III Отделение собственной его императорского величества канцелярии), оп. 163, д. 144, л. 3, 20—21.

¹⁷⁹ Там же, л. 33.

¹⁸⁰ Там же, ф. 102, оп. 77, д. 7, ч. 2 (Заграничные наблюдения), л. 66. Донесение подписано: «Эдуард».

¹⁸¹ Там же, ф. 109, оп. 160, д. 49, л. 4.

¹⁸² Там же, оп. 252, д. 1, л. 115--116.

Варшавская гмина сотрудничала с другими организациями, например с «Клубом сынов отчизны», тайным варшавским демократическим обществом, состоявшим преимущественно из возвращенных из ссылки деятелей восстания 1863 г. Участники «Клуба» предлагали социалистам объединиться, однако революционеры соглашались на это «под условием, чтобы демократы признали предварительно основные начала социализма».¹⁸³

Особенно беспокоили власти возможные террористические акты, поэтому отлеживалась и ситуация в польских землях, входивших в состав Германии. Сообщений, вызывавших тревогу российских властей, было много. Например, о найденном недалеко в имении Виняры Пинчовского уезда (территория Германии) динамите.¹⁸⁴ Сообщения приходили даже из далекой Канады. Так, проживавший в Канаде доктор Александр Росс сообщал, «проникнутый любовью к русскому царствующему дому», что к нему явился с поврежденной рукой поляк Ветковский и в разговоре заявил о готовящемся покушении на царя.¹⁸⁵

Общественно-политическая ситуация в Новгородской губернии в конце 1870-х—начале 1880-х гг., несмотря на близость к столице, была достаточно типичной для провинциального Северо-Запада России, не отличаясь существенно от положения в Псковской или Вологодской областях. В начале 1880-х гг. в обзорах жандармских управлений отмечены дела по обвинению жителей губернии в хранении революционных изданий. Однако это были либо «рукописные стихотворения преступного содержания», либо казусы, связанные, например, с обнаружением «при описи имущества, оставшегося после смерти в Новгороде архимандрита Леонида», экземпляра «революционного журнала „Набат“». Причем виновные в передаче этого издания покойному архимандриту так и не были обнаружены.¹⁸⁶

Несколько дел в период 1881—1882 гг. было возбуждено в Новгородской губернии по делам о политической неблагонадежности, распространении вредных политических слухов. В 1881 г. солдатский сын Николай Филиппов был привлечен к дознанию за распространение слухов о предстоящем в России восстании, а 13 июля 1882 г. отставной рядовой Варлам Тимофеев донес старорусскому уездному исправнику о разговоре между рабочими «по поводу преступных замыслов тайного сообщества, готовящихся будто бы ко дню священного коронавания».¹⁸⁷ Виновные обнаружены не были, а большинство дел по обвинению в политической неблагонадежности закрывалось потому, что обвинения не находили подтверждения.

Участники восстания 1863 г. в своем большинстве в 1870-х гг. уже вернулись на родину, но активная национальная революционная деятельность в польских губерниях, казалось, замерла. Во внутренней об-

¹⁸³ Там же, л. 116.

¹⁸⁴ Там же, ф. 102, оп. 77, д. 376.

¹⁸⁵ Там же, д. 435.

¹⁸⁶ Там же, оп. 252, д. 1, л. 189, 320.

¹⁸⁷ Там же.

становке в Царстве Польском были заметны стремления завоевать расположение царских властей. Императору Александру II подносились многочисленные «верноподданнические» адреса, в том числе подписанные представителями польской аристократии. В отличие от ситуации, сложившейся после покушения Каракозова, после событий 1 марта 1881 г. царские власти не стали искать в деле «польский след».¹⁸⁸

Царское правительство внимательно наблюдало также за настроениями населения Привислинского края. В «Политических обзорах» жандармского управления по польским губерниям неоднократно отмечалось, что «среди <поляков> есть много личностей, поддерживающих в них ненависть к иноверцам, а в особенности к русским. Главнейшими деятелями в этом являются большей частью ксендзы, которые стараются при каждом удобном случае внушить своим прихожанам ненависть ко всему русскому».¹⁸⁹ Огромное влияние духовенство имело на женщин, «которые в свою очередь имеют влияние на своих мужей и семейства <...> Поляки до самоотвержения <были> преданы католицизму и питали большое доверие к ксендзам». В донесениях указывалось, что польские помещики «к русским <...> относятся весьма неприязненно и даже <...> с весьма малым исключением чуждаются их», разговаривая же с русскими, «стараются не употреблять русского языка и охотно пользуются иностранными языками».¹⁹⁰ «Многие из поляков не покинули мысли о восстановлении Польши в прежних ее пределах», «ksenдзы при каждом удобном случае <...> стараются внушить своим прихожанам негодование ко всем мерам, предпринимаемым правительством для соединения Польши с Россией».

Национальная политика российского правительства в польских землях не приносила правящими кругами желаемых результатов. В последней трети века были внесены изменения в гражданские законы Царства Польского, снособствовавшие правовой унификации различных регионов империи,¹⁹¹ правительство пыталось также активизировать роль местных властей путем развития гминного управления. «На первом плане в ряду мирных средств, при посредстве которых задача объединения окраин с центром достигается прочнее, хотя и медленнее, — писали издатели «Гминного законника», — должны быть поставлены хорошие законы и хорошая администрация. Строгое соблюдение законов не может не считаться наиболее действительной нравственной опорой порядка».¹⁹² Но и в конце XIX в. вся «внутренняя жизнь <...> населения» в

¹⁸⁸ См.: Ковальчикова А. Отец-благодетель. Видение поляками «нашего русского владыки» // Россия—Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2002. С. 12—13.

¹⁸⁹ ГАРФ, ф. 102, оп. 81, д. 59, л. 6.

¹⁹⁰ Там же, л. 7.

¹⁹¹ Гражданские законы Царства Польского. С объяснениями по решениям Правительствующего Сената / Сост. под ред. Н. Содлера. СПб.; Варшава, 1911.

¹⁹² Гминный законник. Указания, распоряжения и постановления для руководства должностных лиц гминного управления Царства Польского. СПб., 1896. С. V.

Царстве Польском «по-прежнему <имела> еще очень мало общего с развивающимся административным строем в крае».¹⁹³

В этнокультурном процессе последние треть XIX в. стала временем, когда развивался и дополнялся «миф» исторического прошлого, опиравшийся на традиции польской самобытности. В то же время научная значимость мифа для изучения феномена национальной идеологии и различения его с этническим самосознанием несомненна. Этнополитический миф, или «гретичный миф», по определению В. А. Шнирельмана, «играет инструментальную роль — он обслуживает конкретную современную задачу, будь то территориальные претензии, требование культурной автономии или стремление противодействовать культурной нивелировке и сохранить свое культурное наследие».¹⁹⁴ Означенное в мифе предназначено для того, чтобы привлечь внимание к определенному типу согласования. Как писал Р. Барт, «материальные носители мифического сообщения (собственно язык, фотография, живопись, реклама, ритуалы, какие-то предметы и т. д.), какими бы различными они между собой ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания; все они представляют лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что они наделяются статусом языковых средств».¹⁹⁵ В этнополитическом мифе, в том числе и польском, обычно присутствует образ врага. В XIX в. в Польше укрепилось представление о русских как об азиатах; политическая ситуация в Царстве Польском и Северо-Западных губерниях вела к тому, что образ России был однозначно негативным во всех аспектах — моральном, культурном, политическом.

На уровне обыденного сознания в представлениях поляков о русских преобладал стереотип «азиатчины», но одновременно появляются и псевдонаучные построения. Например, «Ф. Духаньский выдвинул и отстаивал тезис о „туранском“ происхождении русского народа. Так он назвал завоеванные великими киевскими князьями угро-финские племена, населявшие верховья Волги. По его мнению, именно они, поверхностно, лишь в языковом отношении „славянизированные“, и были настоящими предками <...> русских».¹⁹⁶ Именно гуманитарная элита снабжает «как этнические группы, так и нации желательной исторической глубиной», эти социальные вертикальные связи элиты и народа являются основой этнического самосознания.¹⁹⁷

Самосознание прежде всего «осознание субъектом (в рассматриваемом случае — нацией. — *И. Я.*) самого себя» и «в некоторых случаях са-

¹⁹³ ГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 59, л. 23.

¹⁹⁴ Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ?SH/ShnirelmanVV/01vs.html>

¹⁹⁵ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 78.

¹⁹⁶ Мачевский Я. Стереотип России и русских в польской литературе // Поляки и русские глазами друг друга. М., 2000. С. 16.

¹⁹⁷ Шнирельман В. А. Быть аланами. М., 2005 — <http://www.nlo.magazine.ru/bookseller/gotov> <http://www.nlo.magazine.ru/bookseller/gotov/alan.html>

мосознание включает в себя и самооценку».¹⁹⁸ Национальное самосознание, как осознанное, но при этом эмоционально выраженное осознание принадлежности к общности,¹⁹⁹ непосредственно связано с особенностями исторической памяти народа. Поскольку бинарные оппозиции «мы—они», «свои—чужие» являются общим свойством, присущим мышлению, в языке культуры этноса эти антитезы приобретают и специфику, определяемую этническим менталитетом. Особую роль в представлениях о менталитете играет язык.²⁰⁰ Все культурное многообразие человечества обусловлено неотъемлемо присущими языку функциональными свойствами, поскольку язык может рассматриваться как «система социальных маркеров, способствующих удержанию членов общества внутри границ определенной культуры, или, по крайней мере, обозначающая эти границы».²⁰¹

При всей неоднозначности понятия «национальный менталитет» существует неповторимый индивидуальный национальный опыт истории, определяющий особенности восприятия социокультурных процессов. Этот национальный опыт фиксируется в культуре, особенно в народном творчестве, и закрепляется в образе жизни, в традициях, привычках. Он осмысливается на языке этноса и транслирует смыслы культуры в национально-своеобразных формах. Менталитет определяет как особенности восприятия мира, так и способы конструирования социальной и культурной реальности. Можно утверждать, что ментальные структуры маркируют пространство культуры этноса. В то же время, по замечанию Я. В. Чеснова, этнический менталитет носит отчетливо выраженный поведенческий характер и проявляется как однородная реакция этноса в отношениях с представителями иных менталитетов и во внешних связях в целом.²⁰²

Однако проявления этнического менталитета «прочитываются» не только «внешним наблюдателем». Он осознается самими его носителями и проявляется и во внутриэтнических отношениях, поскольку смыслы национальной культуры являются значимыми и означающими для самого этноса. Человек — продукт прежде всего совокупности освоенной им культурной практики — как традиционной, так и элитарной. Культура формирует человека: «усваивая язык и культуру», «он обретает человеческие черты».²⁰³ Язык культуры и воспитание в традициях этой культуры определяет особенности этнического менталитета. Но язык культуры как сложная полисемантическая система включает и знаки национального самосознания, непосредственно связанные с процес-

¹⁹⁸ Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 488.

¹⁹⁹ *Ольшанский Д. В.* Политико-психологический словарь. Екатеринбург, 2002. С. 312—313.

²⁰⁰ Это утверждение относится как к этническому менталитету и любым проявлениям группового менталитета — социальной или профессиональной группы, а также и личностной ментальности.

²⁰¹ *Геллер Э.* Разум и культура... С. 239.

²⁰² *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 78.

²⁰³ *Келле В. Ж.* Цивилизация и культура // От философии жизни к философии культуры / Под ред. В. П. Визгина. СПб., 2001. С. 76.

сами социализации. Самосознание нации (этноса) наиболее ярко проявляется в периоды борьбы за независимость или утраты ее этносом, что усиливает стремление к сохранению собственной этнокультурной идентичности. Важнейшей задачей в этом случае является контроль за народным образованием и расширение сферы использования национального языка.

Сохранение контроля за школой, прежде всего народной, и использование в школах польского языка было одной из важнейших задач польских патриотов. Уже в 1864 г. Александр II повелел «прекратить продажу польских букварей и вообще руководств для преподавания на польском языке, издаваемых <...> с революционной целью, ибо в оных намеренно распространяется мысль об отделении Северо-Западного края от России». Эти буквари и даже детские игры для изучения истории и географии должны были, с точки зрения высших правительственных кругов России, формировать в детском сознании представление о Польше в границах 1772 г.²⁰⁴ «С конца 60-х гг. польский язык стал вытесняться из делопроизводства и школьного образования. В 1867 г. был создан Варшавский учебный округ с подчинением Петербургу, а в 1872 г. на польские гимназии был распространен устав российских гимназий. Общероссийский устав <...> стал действовать и в Варшавском университете, созданном в 1869 г. <...> Все предметы преподавались на русском языке».²⁰⁵ Тем более значимой для польской национальной и культурной элиты становилась задача воспитания национальных убеждений в системе школьного образования.

В 1870—1880-х гг. учительство сельских, городских и гминных начальных училищ края было в основном польским и католическим, но «в политическом отношении» в целом было «достаточно благонадежно», а влияние ксендзов на школу было ослаблено. «Католическое духовенство не занималось преподаванием Закона Божьего в начальной школе, но продолжало обучать в приходских костелах детей обоего пола». Царское правительство внимательно следило за благонадежностью и моральными качествами польского учительства. Все же, несмотря на строгий отбор, среди учителей попадались «все-таки люди неодобрительного поведения, нерадивые и крайне дурной нравственности», но таких стремились «немедленно удалять»²⁰⁶ и лишать лиц, чье поведение вызвало сомнение, например, на печатную деятельность.

Словения помещиков, шляхты и разночинцев «по сильно развитому в них религиозному фанатизму <...> неприязни к русским крайне неблагонадежны и всегда готовы к восприятию всякого революционного движения».²⁰⁷ В среде их «по-прежнему есть элементы <...> не отказавшиеся от своих утопических мечтаний и надежд на возрождение самобытной Польши».²⁰⁸ Именно представители этих социальных групп ча-

²⁰⁴ ГИАНО, ф. 138, оп. 1, д. 2261, Секретный Циркуляр МВД и Санкт-Петербургского цензурного комитета. 15 июня 1864 г. № 278.

²⁰⁵ Общественное движение на польских землях... С. 20.

²⁰⁶ ГАРФ, ф. 102, оп. 78, д. 1, л. 11, 32.

²⁰⁷ Там же, оп. 81, д. 59, л. 27.

²⁰⁸ Там же, л. 6, 7, 23.

ше всего участвовали в разного рода акциях, напоминающих о прошлой государственности Польши и национальных восстаниях. «Запомнившееся прошлое оказалось со временем воплощенным в мемориальные формы».²⁰⁹

В 1875 г. начальник Варшавского жандармского округа сообщал «об обнаружении на казенном здании Министерства финансов плаката революционного содержания на польском языке», подписанного «Белый Орел».²¹⁰ Так и не найденный автор воззвания напоминал полякам об «отцах и братьях», которые «закованы в кандалы», стонут в Сибири за то, что стремились к освобождению нас и отечества нашего из рук разбойничьей шайки, во главе» «с подлым хулителем Александром II». Русские названы в воззвании «богохульниками», «которые как саранча наводнили наш край, заставляя <...> говорить подлым их языком, чтобы <...> совершенно заставить забыть свой, природный».²¹¹ Представители интеллигенции, разночинцев и шляхты хранили и печатные материалы, посвященные национальным восстаниям. В жандармских донесениях сохранились сведения о хранении в г. Остролине отставным чиновником Михаилом Чаевским и его сыном Виктором Чаевским брошюры «Остролинский бой 1831 года», «наполненной разными дерзостями и оскорбительными ругательствами, клеветами и проклятиями в Бозе почивающему государю императору Николаю Павловичу».²¹²

В Польше продолжала сохраняться память о вооруженной борьбе за национальную независимость. В 1881 г. студенты Ново-Александрийского института праздновали годовщину конституции 3 мая 1791 г.²¹³ Они вывесили «венки из хвойных ветвей, украшенных лентами, изображающими польские национальные цвета», и устроили гуляние, на котором распевали разные национальные песни, «в том числе и патриотические», жгли бенгальские огни и делали все это «открыто, дерзко и без малейшего стеснения в стенах русского учебного заведения на глазах его начальства».²¹⁴ В ходе дознания выяснилось, что этот день отмечался «и в прежние годы», хотя и не так демонстративно.²¹⁵

Революционное движение в Польше в конце 1870-х—начале 1880-х гг. сохраняло деление на основе приоритета национальных или социальных задач. При этом в начале 1880-х гг. в донесениях по аграрным польским губерниям неоднократно подчеркивается, что «обнаружение социально-революционной партии произвело <...> грустное впечатление», поскольку «польское общество с отвращением и пренебрежением относится к проискам социальной пропаганды», «оно пони-

²⁰⁹ Хаттон П. История как искусство памяти. С. 29.

²¹⁰ ГАРФ, ф. 109, оп. 160, д. 49, л. 1, 2.

²¹¹ Там же, л. 2.

²¹² Там же, ф. 102, оп. 81, д. 59, л. 27.

²¹³ В заголовке архивного дела (ГАРФ, ф. 102, оп. 77, д. 635) и в первых донесениях указана дата — 3 мая 1794 г. В дальнейшем тексте дела на л. 11 указана точная дата 3 мая 1791 г.

²¹⁴ ГАРФ, ф. 102, оп. 77, д. 635, л. 1.

²¹⁵ Там же, л. 11.

мает гибельные последствия анархии, к которой стремится социально-революционная партия».²¹⁶

Социальной опорой сохранения национальной идентичности, основанной на идентичности культурной и памяти о героической борьбе за национальное освобождение, являлись в условиях Российской империи 1860—1880-х гг. прежде всего выходцы из привилегированных сословий, однако нет сомнения, что, если их влияние на польское крестьянство и рабочих и ослабевало, религия, язык и традиции национально-освободительной борьбы были основой сохранения исторической памяти и этнокультурной идентичности польского народа.²¹⁷

Для России конца XVIII—начала XX вв. Польша была и частью империи, и важным элементом в восприятии и понимании европейской ментальности и мировоззрения. В многонациональной России мы сталкиваемся с региональными особенностями проявления этнокультурной идентичности, обусловленными различиями культур центра, провинции и национальных регионов. Русский этнический менталитет не может рассматриваться вне полиэтничных корней самого народа, его формирования из различных этнических групп и длительного исторического взаимодействия с иными по этнической и религиозной основе культурами — прежде всего славянскими и тюркскими.²¹⁸ Значительную роль в формировании этнического самосознания россиян на протяжении XVI—XIX вв. играли русско-польские межкультурные связи.

Контакт культур далеко не всегда ведет к глубоким нарушениям в культуре одной или обеих групп.²¹⁹ Вполне возможна ситуация динамического равновесия таких культур при условии взаимной терпимости. «Внутри комплексного, сложного в своей целостности общества одна культура может отстоять себя перед лицом других культур, если она убеждает <...> в преимуществах своей семантики освоения мира».²²⁰

²¹⁶ Там же, оп. 81, д. 59, л. 6, 15.

²¹⁷ О соотношении социокультурной и этнокультурной идентичности польского населения Российской империи см.: Якубовская И. В. Проблема этнокультурной идентичности и историческая память польского населения Российской империи (1860-е—1880-е гг.) // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Международной конференции ассоциации исторической психологии. СПб., 2005. Ч. 1. С. 262—266.

²¹⁸ Многозначность понятий «культура» и «социум» не без оснований подвергается критике в современной глобальной истории, поскольку существуют несомненные трудности в определении их онтологического содержания. См.: Ионов И. Н. Глобальная история: основные направления и существенные особенности // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2002. С. 107. Вместе с тем целесообразно рассматривать дефиниции «общество» и «культура» в их инструментальной значимости как символы определенного языка исторической реальности. Существует великое многообразие определений понятия «культура». С учетом проблемы, рассматриваемой в статье, можно использовать следующую дефиницию: культура — этносоциальный феномен, осмысленный и овеществленный опыт истории этноса, в том числе и истории его отношений с другими этносами и их культурами, равными в своей самобытности, сколь бы ни различно социокультурное содержание и элитарные (художественные и интеллектуальные) достижения этих культур.

²¹⁹ Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000. С. 96—104.

²²⁰ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 13.

В такой коммуникации выясняется форма общения, наиболее способствующая развитию индивида, группы, сообщества, и формируется этическая и социальная идентичность, основанная на признании чужой инаковости, осмысливаются иные культурные практики и чужие «языки культуры».

Однако даже длительное сосуществование отнюдь не является предпосылкой этнической, культурной или социальной толерантности. Напротив, «приграничные» культурные регионы часто выступают очагами наиболее острых конфликтов. Не случайно поляк и татарин длительное время рассматривались как постоянные враги русского человека. По словам В. О. Ключевского, так было и в XVIII в. В XIX в. свое место в русской культуре обретает польская словесность. Общеизвестна глубокая творчески-полемиическая взаимосвязь произведений Мицкевича и Пушкина. «Наряду с этим и параллельно польские сюжеты используются в русской прозе и поэзии». Но после разделов изменилось отношение к польской теме, «само ее измерение, масштаб, смысл, значение, качество: польская стала составной частью внутренней истории России и связанных с ней проблем».²²¹

Разделы Польши уничтожили в сознании русских образ поляка как сильного врага. Это не могло не повести к изменению стереотипа восприятия русскими и поляков, и польской культуры. В XIX в. можно говорить о «раздвоении» и усложнении стереотипа поляка в российской ментальности. Значительная часть русских революционеров последней трети XIX в. видела в польском национально-освободительном движении союзника в борьбе с царизмом, провинциальное общество, сталкиваясь с ссыльными, проявляло к ним в традициях русской ментальности «милость к падшим», а власти все чаще смотрели на польские земли так же, как на любую другую национальную окраину страны, не пытаясь учесть особенности польского национального менталитета и стереотипа восприятия России. Культурный континуум в русско-польских культурных отношениях существовал, по мнению А. В. Липатова, вне политического континуума. В официальной идеологии России и польского национально-освободительного движения образ «врага» сохранялся, более того, в России на польском вопросе оттачивался «официальный патриотизм и официальный национализм».²²²

В польской культуре после подавления восстания 1863—1864 гг. «трагедия российского присутствия в Польше, и как следствие, навязанная стратегия сдержанности и умолчания оказались насыщенной богатством смыслов и эмоций».²²³ Любое упоминание о России воспринималось прежде всего в контексте русско-польских отношений. Польское общество остро реагировало на взгляды представителей гвор-

²²¹ Липатов А. В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // Россия—Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2002. С. 142—143.

²²² Там же. С. 144.

²²³ Рудовская М. Русская тема в польской прозе. Взгляды Ю. И. Крашевского // Россия—Польша... С. 170.

ческой интеллигенции, к которой, наряду с католическим клиром, в 1870—1880-х гг. переходила роль представителей польской нации.

Один из наиболее известных польских писателей, Ю. И. Крашевский, сумел показать в своем творчестве, что «броня исторической памяти и культурной тождественности никого не спасает от ослепления, но снять ее невозможно, потому что она является последним связующим звеном со старым миром, с прошлым, которое отнять труднее всего». ²²⁴ Крашевский был известен своими русофобскими и патриотическими взглядами. Тем большее влияние на польское общество оказало в 1884 г. дело Крашевского. Процесс Крашевского в Германии был связан не с политической деятельностью писателя, который, как писал начальник Ломжинского и Мазовецкого жандармского управления, «никогда не разделял революционных идей». Судебный процесс был вызван стремлением Германии «выставлять поляков злейшими врагами спокойствия и правового порядка Европы». ²²⁵

Крашевский во время заседания «вдруг, к ужасу всех поляков, под влиянием ли минутного отрезвления, или лишь под впечатлением минутного страха подсудимого», «во всеуслышанье всего образованного общества» заявил, что «в настоящее время говорить о восстановлении Польши могут только сумасшедшие». ²²⁶ И суд над Крашевским, «старцем почтенных лет», как писал о нем русский жандармский офицер, и приговор к заключению в Магдебургскую крепость произвели печальное впечатление «на польское общество и «подавляющее» на польскую интеллигенцию. Состояние поляков, если использовать терминологию официальных донесений, можно назвать «skonфуженным». Крашевского немедленно стали «забрасывать грязью, выкапывая будничные и слабые стороны его жизни и характера». ²²⁷

Польское общество болезненно воспринимало всякое политическое событие, «которое, хотя бы и призрачно, имело какое-либо отношение к польскому делу». «Оно и естественно: поляки, отчасти пропагандируемые извне и вообще воспитанные на абсурдных началах о восстановлении „Речи Посполитой“, в то же время были недовольны порядками, существующими в крае». ²²⁸ Не только католический клир, чиновники, шляхта, интеллигенция, аристократия, но и крестьянство в Польше не утратило стремления к национальной независимости. Несмотря на отсутствие массовых выступлений крестьянства в польских губерниях, по мнению официальных русских властей, верить «в его преданность нельзя — все-таки он поляк и католик, и по внушению своих настроений считает русских врагами их национальности и попираетелами их веры». ²²⁹

Стереотипы собственной и чужой этничности основываются на сохранении коллективной исторической памяти. Представления о «дру-

²²⁴ Там же. С. 174.

²²⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 81, д. 59, л. 16.

²²⁶ Там же, л. 377.

²²⁷ Там же, л. 16, 37—38.

²²⁸ Там же, л. 37.

²²⁹ Там же, л. 287.

гом» могут не полностью совпадать с реальностью, они могут даже противоречить ей. Но, закрепляясь в определенных условиях, «они сами становятся исторической реальностью».²³⁰ Обеспечивая различие собственной и иной социокультурной идентичности, этнические стереотипы избирательны по отношению к коллективной памяти: поляки не желали вспоминать ни о конституции 1815 г., ни о примерах сотрудничества с Россией, неизбежных в многовековой истории двух соседних народов, ни о значении России в культуре Польши и Польши в культуре России. В этническом менталитете поляков массовая ссылка 1860-х гг., их пребывание в среде провинциальной России, в том числе и в Новгородской губернии, лишь укрепили негативный образ «москаля», растоптавшего самобытную польскую государственность и культуру.

«Поляки воспринимали русских как чужих. Их оценивали, как народ, отличавшийся рабской покорностью, более низкой культурой, чужой религией, а также другими — более или менее заметными — особенностями и пороками». После поражения восстания 1863—1864 гг. сопротивление приняло две основные формы. Во-первых, «создание альтернативных национальных структур: домашнего воспитания, частного начального, среднего, а порой и высшего обучения». Другой формой сопротивления стал бойкот всего русского — от личных контактов до нежелания замечать реальность, неблагоприятную для польского национального возрождения. При этом «сложилась парадоксальная ситуация: в стране, где официальным языком был русский, бурно развивалась польская периодика, литература, театр. Не смогла удержаться ни одна русская газета (кроме субсидированной государством)».²³¹ Национальная политика правительства Российской империи способствовала вовлечению польских губерний в процесс социально-экономической модернизации, однако политика насильственной унификации культурной и социальной жизни Северо-Западных губерний и Привислинского края укрепляла этнокультурный «изоляционизм» польского общества. Диалог культур основывается на их взаимодействии и взаимовлиянии, но он может предполагать равно как проникновение, так и на отталкивание разных культур в их политической или конфессиональной форме. Национальное самосознание двух народов в традиционной оппозиции «мы—они» формировало основания сохранения социокультурного пространства каждого из них. Русско-польские связи оказались в 1860—1880-х гг. осложнены всем комплексом историко-культурного противостояния двух стран, и изучение истории польских ссыльных в Новгородской губернии выявляет взаимное отталкивание двух этносов, сопровождавшееся укреплением взаимных негативных социокультурных стереотипов.

²³⁰ Хорев В. А. О живучести стереотипов // Россия—Польша... С. 17.

²³¹ Мачевский Я. Стереотипы России и русских в польской литературе. С. 11, 15.